THE LIBRARY OF CONGRESS

D
15
.L85B88

Author

Title

Imprint

16—47372-2 GPO

Глубокоуважаемому Павлу Гавриловичу Виноградову — съ привѣтомъ и благодарностью за дорогой подарокъ. В. Бузескулъ

В. БУЗЕСКУЛЪ.

ПРОФЕССОРЪ М. М. ЛУНИНЪ,

„ХАРЬКОВСКІЙ ГРАНОВСКІЙ“.

Къ столѣтію Харьковскаго университета.

EX LIBRIS
SIR PAUL VINOGRADOFF

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1905.

IV. 7.
Buzeskul, Vladislav Petrovich.

В. БУЗЕСКУЛЪ.

Professor M. M. Lunin

ПРОФЕССОРЪ М. М. ЛУНИНЪ,

„ХАРЬКОВСКІЙ ГРАНОВСКІЙ".

Къ столѣтію Харьковскаго университета.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1905

D15
.L85 B88

0405R

SEP 15 1954

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, за 1905 годъ.

P.S.1.6.66

ПРОФЕССОРЪ М. М. ЛУНИНЪ,

„Харьковскій Грановскій“ [1]).

Къ столѣтію Харьковскаго университета.

17-го января 1905 г. исполнилось сто лѣтъ Харьковскому университету, и настало время подвести итогъ его вѣковой научной и просвѣтительной работѣ, его культурному вліянію; вспомнить прежнихъ его дѣятелей, въ особенности, конечно, тѣхъ изъ нихъ, которые, теперь нерѣдко уже забытые, въ свое время составляли славу и гордость университета, — которые болѣе или менѣе воплощали въ себѣ идеалъ профессора и ученаго, пробуждали въ слушателяхъ возвышенныя, идеальныя стремленія, любовь къ наукѣ и вызывали къ себѣ со стороны этихъ слушателей горячую благодарность и уваженіе, доходившее до благоговѣнія. Такими дѣятелями живетъ и процвѣтаетъ университетъ, и къ числу такихъ принадлежалъ профессоръ всеобщей исторіи въ Харьковѣ второй половины 30-хъ и начала 40-хъ годовъ прошлаго вѣка, Михаилъ Михаиловичъ Лунинъ.

Въ настоящее время имя Лунина почти никому неизвѣстно; оно ничего не говоритъ уму и сердцу людей нашего поколѣнія. А между тѣмъ, судя по отзывамъ современниковъ и слушателей Лунина, онъ для Харьковскаго университета былъ тѣмъ, чѣмъ для Московскаго— Грановскій и Кудрявцевъ. По словамъ, напримѣръ, Н. И. Костомарова, его ученика, это „былъ безспорно одинъ изъ лучшихъ преподавателей всеобщей исторіи, какіе когда-либо являлись въ нашихъ университетахъ“... „Лекціи этого профессора“, говоритъ Костомаровъ,

[1]) Въ основѣ этого очерка лежитъ рефератъ, читанный въ засѣданіи Харьковскаго Историко-Филологическаго общества 22-го октября 1904 г.

Dec. 31 '64 mn

„оказали на меня громадное вліяніе и произвели въ моей духовной жизни рѣшительный поворотъ: я полюбилъ исторію болѣе всего и съ тѣхъ поръ съ жаромъ предался чтенію и изученію историческихъ книгъ“ [1]). Другой слушатель Лунина, М. П. Де-Пуле, называетъ его и Валицкаго (профессора греческой словесности) „звѣздами первой величины на небосклонѣ Харьковскаго университета того времени“ и, подобно Костомарову, замѣчаетъ, что профессоръ Лунинъ былъ бы изъ первыхъ въ любомъ русскомъ университетѣ, что „въ исторіи Харьковскаго университета имя его должно занять передовыя страницы“ [2]). Покойный проф. А. И. Палюмбецкій, котораго многіе изъ насъ помнятъ, какъ человѣка въ высшей степени правдиваго и строгаго въ своихъ отзывахъ, и который лично зналъ Лунина, отзывался о немъ, какъ о человѣкѣ „необыкновенномъ“ [3]).

Къ сожалѣнію, мы располагаемъ лишь скудными біографическими данными относительно этой замѣчательной личности [4]).

М. М. Лунинъ — уроженецъ Прибалтійскаго края. Онъ родился въ 1806 или 1807 г. [5]), въ купеческой, повидимому, состоятельной семьѣ: его отцу принадлежали въ Дерптѣ каменный и деревянный домъ, фабрика и лавка [6]). Такимъ образомъ родители имѣли возможность дать своему сыну высшее образованіе. Въ 1828 г. Лунинъ окончилъ курсъ въ Дерптскомъ университетѣ со степенью кандидата

---

[1]) См. автобіографію Н. И. Костомарова въ „Литературномъ Наслѣдіи“. Спб. 1890 г., стр. 22.

[2]) *М. П. Де-Пуле*. Харьковскій университетъ и Д. И. Каченовскій.—Культурный очеркъ и воспоминанія изъ 40-хъ годовъ (Вѣстн. Европы, 1874, январь), стр. 88, 90, 93.

[3]) См. бумаги *Г. С. Чирикова*, хранящіяся въ „*Историческомъ Архивѣ*“ при Харьковскомъ Историко-Филологическомъ обществѣ.

[4]) О М. М. Лунинѣ, кромѣ немногихъ официальныхъ данныхъ, имѣющихся въ архивѣ Харьковскаго университета, см. автобіографію *Н. И. Костомарова*; упомянутую ст. *Де-Пуле*; бумаги *Г. С. Чирикова*; некрологъ, напечатанный проф. *А. П. Рославскимъ-Петровскимъ* въ прибавленіи къ „Харьк. Губ. Вѣд.“ за 1844 г. № 46; ст. *М. И. Сухомлинова*, Уничтоженіе диссертаціи Н. И. Костомарова (Древн. и Нов. Россія. 1877 г., т. I); замѣтку въ Энциклоп. словарѣ *Брокгауза-Ефрона*, и неопубликованныя воспоминанія *Пашкова:* „Идеализмъ и идеалисты сороковыхъ годовъ“. За предоставленіе мнѣ этой рукописи приношу искреннюю благодарность глубокоуважаемому товарищу, проф. Д. И. Багалѣю.

[5]) Въ формулярѣ 1842 г. ему значится 35 лѣтъ, а въ формулярѣ 1844 года — 38 лѣтъ.

[6]) См. аттестатъ Лунина, выданный ему изъ департамента разныхъ податей и сборовъ, 1829 г.

и въ 1829 г. поступилъ на службу въ департаментъ разныхъ податей и сборовъ канцелярскимъ чиновникомъ; но здѣсь онъ не пробылъ и мѣсяца и въ томъ же 1829 г. уволенъ, согласно прошенію, „для опредѣленія къ другимъ дѣламъ“, какъ значится въ выданномъ ему изъ департамента аттестатѣ. Очевидно, его влекла къ себѣ наука...

По выдержаніи особо установленнаго экзамена при Академіи Наукъ въ іюлѣ 1830 г., Лунинъ, по Высочайшему повелѣнію, поступаетъ въ Профессорскій институтъ, учрежденный незадолго до того при Дерптскомъ университетѣ по мысли извѣстнаго Паррота для приготовленія контингента профессоровъ въ русскіе университеты [1], — институтъ, въ которомъ какъ разъ въ то время находилась цѣлая плеяда даровитыхъ молодыхъ людей, впослѣдствіи выдающихся дѣятелей на поприщѣ науки и профессуры, напримѣръ Н. И. Пироговъ, П. Г. Рѣдкинъ и другіе. Въ числѣ ихъ былъ и М. С. Куторга, этотъ первый выдающійся и совершенно самостоятельный русскій изслѣдователь въ области изученія греческой исторіи, „первоначальникъ у насъ науки объ эллинствѣ“ [2], который такимъ образомъ оказывается товарищемъ Лунина по Профессорскому институту. Одновременно съ Куторгой [3], въ 1832 г. напечаталъ Лунинъ и свою диссертацію: „Prolegomena ad res Achaeorum“ (Dorp.), послѣ защиты коей онъ былъ утвержденъ въ степени доктора философіи (25-го января 1833 г.) и затѣмъ — опять въ одно время съ Куторгой — отправленъ въ Берлинъ „для окончательнаго усовершенствованія въ наукахъ“.

Извѣстно, что Берлинскій университетъ, основанный въ цѣляхъ поднятія и возрожденія разгромленной Наполеономъ Пруссіи, „дабы“, выражаясь словами Фридриха Вильгельма III, „духовными силами возмѣстить потерю въ силахъ физическихъ“, матеріальныхъ, на первыхъ же порахъ достигъ высокаго процвѣтанія и имѣлъ въ составѣ профессоровъ немало свѣтилъ. Въ то время, когда Лунинъ находился въ Берлинѣ, еще живъ былъ историкъ-юристъ Савиньи, представитель исторической школы въ изученіи права; Ранке незадолго передъ тѣмъ возвратился изъ путешествія въ Италію и началъ из-

[1] *Е. В. Пятуховъ*, Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій, университетъ. Юрьевъ. 1902 г., I, 482 сл.

[2] См. предисловіе къ „Собр. сочин. М. С. Куторги“. Спб. 1894. т. I.

[3] Диссертація М. С. Куторги—извѣстное изслѣдованіе „De antiquissimis tribubus Atticis earumque cum regni partibus nexu“. Dorp. 1832.

давать свой знаменитый трудъ о римскихъ папахъ; К. Риттеръ развивалъ свои идеи о взаимодѣйствіи между природой и человѣкомъ; но „властителемъ думъ“ тогдашняго поколѣнія былъ Гегель. Правда, въ то время его уже не было въ живыхъ (Гегель умеръ въ 1831 г.), а его лекціи по философіи исторіи еще не выходили въ свѣтъ; но идеи Гегеля господствовали: его послѣдователи и ученики развивали ихъ съ каѳедры, и идеи эти, какъ увидимъ, оказали огромное вліяніе на Лунина.

Въ 1835 г. истекалъ срокъ ученой командировки Лунина [1]) и другихъ питомцевъ Профессорскаго института, находившихся заграницей, и министерство прислало списокъ ихъ въ Харьковскій университетъ съ указаніемъ ихъ спеціальности. Совѣтъ университета просилъ о предоставленіи каѳедры всеобщей исторіи, сдѣлавшейся вакантной вслѣдствіе перехода Цыха въ Кіевъ, Лунину [2]). Такимъ образомъ, въ іюлѣ 1835 г., въ тотъ самый годъ, когда Куторга получилъ каѳедру въ Петербургскомъ университетѣ, Лунинъ назначенъ былъ преподавателемъ всеобщей исторіи въ Харьковскомъ университетѣ и 18-го іюля прочелъ свою первую, пробную лекцію на тему: „Переходъ средней исторіи къ новой и значеніе сей послѣдней“ (напечатана въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1835, іюль: о ней скажемъ ниже). Черезъ два года Лунинъ утвержденъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ, а въ 1838 году—ординарнымъ.

Итакъ, изъ Берлина, одного изъ главныхъ умственныхъ и научныхъ центровъ Европы, Лунинъ очутился въ Харьковѣ. Въ то время Харьковъ былъ сравнительно малолюднымъ, провинціальнымъ городомъ, значительно уступавшимъ многимъ другимъ губернскимъ и даже уѣзднымъ городамъ. Впрочемъ, не смотря на это, въ немъ процвѣтала журнально-литературная дѣятельность [3]); существовали журналы и альманахи, въ родѣ, напримѣръ, „Украинскаго Вѣстника“ (1816—1819 гг.), „Украинскаго Журнала“ (1824 сл.), „Украинскаго Альманаха“ (1831 г.), „Утренней Звѣзды“ (1833 г.), въ которыхъ дѣятельную роль, въ качествѣ иниціаторовъ и сотрудниковъ, играли

---

[1]) Намъ неизвѣстно, посѣтилъ ли Лунинъ другіе города и страны, а также, во время ли своего пребыванія заграницей или же позже избранъ онъ былъ членомъ Общества сѣверныхъ антикваріевъ въ Копенгагенѣ.

[2]) *Д. И. Багалѣй*, Опытъ исторіи Харьковскаго университета. Харьковъ. 1904, т. II, 672.

[3]) *Д. И. Багалѣй*, Опытъ исторіи Харьковскаго университета. II, 752 сл.

профессора — Филомаѳитскій, Гулакъ-Артемовскій, Склабовскій и другіе. Были и мѣстные, малорусскіе писатели, напримѣръ только что упомянутый Гулакъ-Артемовскій и въ особенности Квитка-Основьяненко. А главное — въ Харьковѣ былъ университетъ. Но университетъ этотъ незадолго до того пережилъ тяжелую пору. Въ Харьковѣ, правда, не было Магницкихъ и Руничей, но были Карнѣевы (Зах. Як. и Ег. Вас.) [1]), Филатьевы. Реакція 20-хъ годовъ наложила руку и на Харьковскій университетъ, и онъ долго не могъ оправиться. Положеніе его въ началѣ 30-хъ годовъ истекшаго вѣка было печальное [2]). Многія каѳедры пустовали; много было профессоровъ-иностранцевъ, не владѣвшихъ русскимъ языкомъ; но эти профессора большею частью имѣли, по крайней мѣрѣ, ученую подготовку; значительное же число каѳедръ замѣщено было лицами совершенно неподготовленными, не имѣвшими ученыхъ степеней и никакихъ правъ на профессуру. Всего за четыре года до назначенія Лунина въ Харьковскій университетъ произошелъ извѣстный, казалось бы маловѣроятный, но документально засвидѣтельствованный, фактъ [3]): въ ординарные профессора по каѳедрѣ философіи назначенъ былъ, по представленію попечителя Филатьева, бывшій одно время *квартальнымъ надзирателемъ* въ Ярославлѣ, Чановъ [4]), по отзыву попечителя, „истинно достойный во всѣхъ отношеніяхъ наставникъ“, который могъ быть „профессоромъ философіи, профессоромъ россійской словесности и латинской и профессоромъ правъ“ [5]), а адъюнктомъ при немъ состоялъ изучившій въ Дерптскомъ университетѣ *богословскія науки, лекторъ нѣмецкаго языка*, Гренбергъ, ко-

---

[1]) См. *Д. И. Багалѣй*, Опытъ..., т. II (въ началѣ); „Изслѣдов. и статьи“ *М. И. Сухомлинова* (т. I); ст. *Н. А. Лавровскаго* въ *Журн. Мин. Нар. Прос.*, 1872 г., февраль; *И. П. Щелкова*, ibid., 1890 г., октябрь; *Г. С. Чирикова*, въ „Русской Старинѣ“, 1876 г., ноябрь.

[2]) См. II т. „Опыта“ *Д. И. Багалѣя*.

[3]) *Д. И. Багалѣй*, II, 201 сл.; 490—491.

[4]) Нѣкоторымъ объясненіемъ этого поразительнаго факта можетъ служить то обстоятельство, что Чановъ окончилъ курсъ въ Ярославскомъ Демидовскомъ училищѣ высшихъ наукъ и послѣ службы въ должности квартальнаго надзирателя былъ преподавателемъ—въ Ярославской гимназіи и въ томъ же училищѣ—самыхъ разнообразныхъ предметовъ — чистой математики, всеобщей исторіи, географіи, русской словесности, латинскаго языка, философіи, политическихъ наукъ, римскаго права и проч.; потомъ онъ былъ назначенъ директоромъ Слободской украинской (нынѣ Харьковской первой) гимназіи и, наконецъ, ординарнымъ профессоромъ университета.

[5]) *Д. И. Багалѣй*, I. c.

торому поручено было читать *антропологію* и *логику*. Конечно, были и исключенія. Такими исключеніями являлись на словесномъ факультетѣ Пв. Як. Кронебергъ, составитель извѣстнаго словаря, „блестящій представитель науки классической филологіи въ Харьковскомъ университетѣ“ [1]), по отзыву слушателей „образцовый профессоръ своего времени“, на этико-политическомъ — Т. Ѳ. Степановъ и Г. С. Гордѣенко, физико-математическомъ — А. Ѳ. Павловскій и Черняевъ, медицинскомъ — Еллинскій и Блументаль, и нѣкоторые другіе. Всеобщая исторія имѣла въ лицѣ предшественника Лунина, въ Цыхѣ, также достойнаго представителя; но въ Харьковскомъ университетѣ Цыхъ преподавалъ недолго (съ 1831 г. по 1834 г.) и перешелъ въ Кіевъ, гдѣ былъ потомъ ректоромъ и оставилъ по себѣ свѣтлую память [2]).

Съ середины 30-хъ годовъ въ Харьковскомъ университетѣ замѣтно стало оживленіе и обновленіе. Явились новые, молодые профессора, получившіе подготовку заграницей, внесшіе свѣжую струю. Въ числѣ ихъ—Валицкій, И. П. Срезневскій и, какъ мы уже видѣли, Лунинъ.

Настроеніе образованнаго общества и университетской молодежи было тогда, такъ сказать, идеалистическое, съ оттѣнкомъ романтизма [3]). Вопросы эстетики и литературы стояли на первомъ планѣ. За отсутствіемъ всякихъ общественныхъ и политическихъ интересовъ вниманіе образованнаго меньшинства, какъ и въ Москвѣ временъ Грановскаго, сильнѣе сосредоточивалось на умственныхъ или, точнѣе, отвлеченныхъ, литературныхъ и эстетическихъ интересахъ [4]). Историко-филологическій, или, какъ онъ тогда назывался, словесный факультетъ болѣе другихъ привлекалъ слушателей; онъ былъ наиболѣе популярнымъ, общеобразовательнымъ.

Какъ дальше увидимъ подробнѣе, лекціи Лунина на первыхъ же порахъ поразили своею ученостью, глубокомысліемъ, яркостью изображенія, прекрасною внѣшнею формою. На нихъ ходили студенты разныхъ факультетовъ; мало того: бывали и не-студенты, посторонніе, и между ними, если вѣрить харьковскимъ старожиламъ, даже дамы [5]).

---

[1]) *Д. И. Багалѣй*, т. II, 687, 604.

[2]) См. Біографическій словарь профессоровъ университета св. Владиміра.

[3]) См. Воспоминанія *Пашкова* и ст. *Де-Пуле*.

[4]) *А. Станкевичъ*, Т. Н. Грановскій и его переписка. М. 1897, I, 97.

[5]) *А. Н. Деревицкій*, Мих. Назар. Петровъ (страница изъ исторіи Харьк. унив.). Харьк. 1887, стр. 6.

Лунинъ читалъ преимущественно древнюю и среднюю исторію, первые годы „по руководству Герена и де-Мишеля“, какъ значится въ обозрѣніяхъ преподаванія, а потомъ (по крайней мѣрѣ, исторію народовъ древности) по „собственнымъ запискамъ, составленнымъ по лучшимъ иностраннымъ авторамъ, равно какъ и *по самымъ источникамъ*“. Новую исторію Лунинъ читалъ, повидимому, рѣдко [1]), да по этому отдѣлу онъ былъ и хуже подготовленъ. Кромѣ чтенія лекцій, Лунинъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (напр. въ 1839/40 и 1840/1 акад. году) велъ практическія занятія въ такъ называемомъ педагогическомъ институтѣ для казеннокоштныхъ студентовъ, которые предназначались къ занятію учительскихъ должностей, обязаны были слушать нѣкоторые спеціальные курсы и исполнять практическія работы [2]). Лунинъ занимался разсмотрѣніемъ студенческихъ разсужденій на заданныя темы, наблюдалъ за ходомъ занятій студентовъ и читалъ съ ними историческія книги.

Но профессорская дѣятельность Лунина продолжалась недолго, всего 9 лѣтъ, съ 1835 г. по 1844 г. Еще въ іюнѣ 1843 г. онъ началъ страдать тяжкою болѣзнью (повидимому ракомъ желудка), которая послѣ краткихъ промежутковъ возвращалась снова и до такой степени изнурила его, что не только лишила возможности нести „безупустительно“ профессорскія обязанности, но и угрожала опасностью для жизни [3]). Единственная надежда была на то, что помогутъ Карлсбадскія воды, и въ маѣ 1844 г. Лунинъ отправился заграницу для поправленія разстроеннаго здоровья, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ ученою цѣлью: „постоянно стремясь къ обогащенію себя познаніями“, онъ предполагалъ заѣхать въ Берлинъ и „воспользоваться всѣмъ, что при обширныхъ средствахъ прусской столицы могло быть полезнымъ для его науки—всеобщей исторіи“ [4]). Но на возвратномъ пути, въ концѣ сентября, Лунинъ принужденъ былъ остановиться въ Кіевѣ, такъ какъ болѣзнь настолько усилилась, что дальше ѣхать онъ былъ уже не въ состояніи, а 14 октября 1844 г. онъ скончался, не имѣя и 40 лѣтъ отъ роду. Послѣ него осталась вдова съ тремя малолѣт-

---

[1]) Она значится въ обозрѣніи лекцій на 1844/5 г.; но Костомаровъ, слушавшій Лунина въ началѣ его профессуры, упоминаетъ и о лекціяхъ по новой исторіи.

[2]) *А. Н. Деревицкій*, Мих. Наз. Петровъ, стр. 3, прим.

[3]) См. прошеніе Лунина объ увольненіи его заграницу.

[4]) Ibid.—Лунину дано было пособіе въ 1000 р. сер. изъ экономическихъ суммъ университета и сохранено жалованье.

ними дѣтьми безъ всякихъ средствъ [1]). Погребенъ Лунинъ на Старо-Кіевскомъ кладбищѣ. Профессора Кіевскаго университета и болѣе 300 студентовъ шли за его гробомъ: были произнесены и рѣчи, въ которыхъ отдавалась дань его ученымъ заслугамъ. А въ Харьковѣ знаменитый духовный ораторъ, преосвященный Иннокентій (Борисовъ), спустя нѣкоторое время, произнося слово въ университетской церкви при погребеніи одного изъ профессоровъ медицинскаго факультета, помянулъ Лунина въ такихъ выраженіяхъ: „Ахъ, я вижу тамъ, — вдали,—еще свѣжую могилу собрата вашего, который не имѣлъ и того утѣшенія, чтобы вѣжды его были сомкнуты рукою не чуждою и чтобы на могилу его упала хотя одна слеза изъ очей тѣхъ, для коихъ столько лѣтъ билось чистое и благородное сердце его. Да пріиметъ безсмертный и неограниченный теперь нашимъ узническимъ пространствомъ духъ его, хотя здѣсь, въ этомъ столь знакомомъ ему храмѣ, отъ всѣхъ насъ дань молитвъ о вѣчномъ успокоеніи его въ царствіи Бога духовъ и разумовъ!“ [2]).

II.

Печатные труды Лунина немногочисленны.

Это—1) его диссертація на степень доктора философіи на латинскомъ языкѣ: *Prolegomena ad res Achaeorum, quibus mythica Argolidis historiae primordia breviter adumbrantur.* Dorp. 1832. Большая часть ея посвящена пресловутому вопросу о пеласгахъ. Лунинъ опредѣляетъ ихъ мѣстожительства; главнымъ и самымъ древнимъ мѣстопребываніемъ ихъ онъ считаетъ Арголиду, затѣмъ Аркадію, далѣе—Ѳессалію. Отсюда пеласги выселились въ разныя страны, и Лунинъ слѣдитъ за ихъ разселеніемъ. Пеласговъ онъ не считаетъ за одинъ народъ съ этрусками; отъ грековъ, по его мнѣнію, это тоже совершенно отличный народъ, слѣдовательно — „варварскій“, употребляя греческое выраженіе. Кто же они были, какого происхожденія?

Господство пеласговъ въ Арголидѣ Лунинъ относитъ къ тому времени, когда Египетъ находился подъ владычествомъ гиксовъ. Въ ту пору на морѣ плавали финикіяне и заводили свои факторіи въ раз-

[1]) И даже безъ пенсіи: по точному смыслу Высочайше утвержденнаго журнала комитета министровъ министръ народнаго просвѣщенія не нашелъ возможнымъ назначить вдовѣ Лунина пенсіи и разрѣшилъ лишь выдать единовременное пособіе въ размѣрѣ полуторнаго оклада жалованья (1715 р. 52 коп. сер.).

[2]) *Дс-Пуле*, стр. 108.

ныхъ мѣстахъ; особенно посѣщали они острова греческаго Архипелага, берега Греціи и Ѳракіи; наиболѣе же удобенъ для причаливанія кораблей и устройства гаваней — берегъ, окружающій заливъ Аргивскій и Герміонскій. По словамъ Лунина, все это удивительно совпадаетъ съ древнѣйшимъ миѳомъ о первомъ государствѣ пеласговъ въ Пелопоннесѣ. Когда господство гиксовъ въ Египтѣ стало расширяться, то египтяне, поселившіеся въ болотистыхъ мѣстностяхъ Нила, должны были выселиться: они направились частью въ Ливію и на югъ, частью на сѣверъ, по морю, въ послѣднемъ случаѣ—при содѣйствіи финикіянъ, такъ какъ сами египтяне не имѣли судовъ вслѣдствіе недостатка въ лѣсѣ, и Лунинъ считаетъ вѣроятнымъ, что Арголида въ древнѣйшія времена занята была финикійско-египетскими поселенцами; это и были пеласги (стр. 71).

Между прочимъ однимъ изъ аргументовъ для Лунина служитъ здѣсь то, что пеласги—земледѣльцы. Затѣмъ онъ останавливается на генеалогіи царей и полагаетъ, что имя второго аргосскаго царя, *Форонея*, явно обнаруживаетъ египетское происхожденіе (=„фараонъ“). Это приводитъ его къ заключенію, что родъ египетскихъ царей нѣкогда иммигрировалъ въ Арголиду. По мнѣнію Лунина, подъ именемъ Инаха скрывается жреческая фамилія, которая вмѣстѣ съ египетскими поселенцами заняла Арголиду, а подъ владычествомъ Форонея—царскій родъ, который въ теченіе долгаго ряда лѣтъ держалъ въ своихъ рукахъ верховную власть (стр. 80). Дѣти Форонея—Аписъ и Ніобея, и Лунину кажется наиболѣе вѣроятнымъ, что подъ ними слѣдуетъ подразумѣвать древнія названія божествъ, культъ которыхъ былъ перенесенъ въ Арголиду упомянутыми поселенцами. Для выясненія и подтвержденія своей гипотезы Лунинъ останавливается на миѳѣ объ Іо, которую онъ сопоставляетъ или отожествляетъ съ Изидой; онъ видитъ въ этомъ миѳѣ указаніе на связь и сродство религіи Пелопоннеса и Египта.

Едва ли нужно подробно разбирать гипотезу Лунина и доказывать, что она несостоятельна съ точки зрѣнія современной науки: ее нужно оцѣнивать, конечно, съ точки зрѣнія тогдашняго положенія вопроса. Вопросъ же о пеласгахъ вообще одинъ изъ самыхъ спорныхъ и не вполнѣ еще рѣшенъ и теперь. Для насъ важны тутъ методъ Лунина и его пріемы доказательствъ; важны даръ комбинаціи и широта кругозора, которые несомнѣнно обнаружилъ Лунинъ, и то, что онъ доказывалъ связь древнегреческой исторіи и культуры съ Египтомъ и вообще Востокомъ, что онъ признавалъ взаимодѣй-

ствіе странъ восточной половины Средиземнаго моря и какъ бы предугадывалъ кое-что о той микенской эпохѣ, которая намъ извѣстна теперь благодаря раскопкамъ.

2) *Переходъ средней исторіи къ новой и значеніе сей послѣдней.* Это, какъ упомянуто, — пробная лекція, читанная Лунинымъ въ Харьковскомъ университетѣ и напечатанная въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* (за 1835 г., іюль).

Указавъ на два главныя основанія зданія среднихъ вѣковъ — феодальную систему и власть римской церкви,—Лунинъ прежде всего отмѣчаетъ общія причины упадка ленной системы въ Европѣ: 1) постепенное утвержденіе власти европейскихъ государей и развитіе общинъ; 2) измѣненіе характера войнъ (вмѣсто внутреннихъ—внѣшнія, войны народа съ народомъ, правительства съ правительствомъ); 3) прекращеніе крестовыхъ походовъ; съ прекращеніемъ же ихъ и рыцарство, „это поэтическое чадо, этотъ прекрасный любимый идеалъ, взлелѣянный феодальною системою, начинаетъ уже упадать".

Затѣмъ Лунинъ разбираетъ „каждое государство порознь", слѣдя за упадкомъ феодализма и развитіемъ центральной власти, начиная съ Испаніи и Португаліи. „Испанское рыцарство", говоритъ онъ здѣсь между прочимъ, „носитъ на себѣ какой-то особый отпечатокъ. Здѣсь все дышетъ какою-то грандіозностью, какою-то восточною гордостью, и испанская грандецца вошла въ пословицу; страсти дѣйствуютъ сильнѣе, языкъ принимаетъ восточные обороты; любовь горитъ нѣгою палящаго юга, непріязнь—неукротимою жаждою мести; празднества были великолѣпнѣе, турниры многочисленнѣе, нежели въ прочихъ феодальныхъ государствахъ; наконецъ весь образъ жизни напоминалъ утонченную роскошь Азіи". Отъ Испаніи и Португаліи Лунинъ переходитъ къ Франціи, Англіи, Германіи, Италіи и наконецъ къ Швейцарской республикѣ, гдѣ „среди поднебесныхъ горъ, покрытыхъ вѣчными снѣгами, на берегахъ прозрачныхъ озеръ, среди живописныхъ и плодоносныхъ долинъ, скрывалось поколѣніе людей сильныхъ, крѣпкихъ, дышущихъ свободою, гордыхъ подобно исполинамъ, ихъ окружающимъ".

Послѣ этого Лунинъ бросаетъ взглядъ на духовную власть римскихъ папъ въ средніе вѣка, при чемъ попутно касается архитектуры, какъ выраженія духа среднихъ вѣковъ, безотчетнаго вѣрованія. Онъ подмѣчаетъ „сѣмена упадка" власти папъ.

Одною изъ главныхъ причинъ упадка феодализма было распространеніе и развитіе городовъ; по этому поводу Лунинъ замѣчаетъ:

„Можно почти утвердительно сказать, что города спасли европейскую цивилизацію отъ общаго крушенія и ускорили ходъ оной;... могущество и благосостояніе городовъ составляетъ едва ли не самое привлекательное, самое утѣшительное зрѣлище въ исторіи среднихъ вѣковъ“... Лунинъ далѣе „окидываетъ общимъ взглядомъ состояніе Европы въ концѣ XV ст.“ и здѣсь отмѣчаетъ еще и другія причины „пріуготовленія“ дальнѣйшаго перехода средней исторіи къ новой: завоеваніе Царяграда османами, изобрѣтеніе книгопечатанія, огнестрѣльнаго оружія и учрежденіе постояннаго войска.

Обозначая границы новой исторіи, Лунинъ старается постигнуть ея „истинную идею“ и значеніе. Идея эта, по его словамъ, проявляется въ четырехъ формахъ; она обнимаетъ: 1) развитіе монархическихъ учрежденій и начало паденія ихъ; 2) развитіе „средняго состоянія“ (сословія), что особенно проявилось въ Англіи, которая „представляетъ типъ средняго состоянія въ новыя времена“; 3) „высвобожденіе ума отъ оковъ“...; 4) распространеніе европейской цивилизаціи внѣ предѣловъ этой части свѣта, и Лунинъ въ концѣ своей лекціи вкратцѣ характеризуетъ эти четыре формы.

Уже тутъ, въ этой лекціи, обнаруживаются нѣкоторыя характерныя черты Лунина, о которыхъ потомъ мы будемъ говорить подробнѣе: склонность къ обобщеніямъ, вліяніе Гегеля, выразительный, образный языкъ, хотя нѣсколько архаичный и высокопарный, не чуждый риторики.

3) Рѣчь о *Вліяніи Вальтера Скотта на новѣйшія изысканія по части средней исторіи*, произнесенная въ торжественномъ собраніи университета 30-го августа 1836 г. [1]), чрезвычайно содержательная и интересная для характеристики взглядовъ Лунина на исторію.

Дѣлится она на двѣ части. Въ первой дается очеркъ историческихъ школъ западной Европы съ конца XV и начала XVI столѣтія до XIX. На рубежѣ средняго и новаго міра, говоритъ Лунинъ, возникаетъ новая историческая школа; въ Италіи ея основателями являются Макіавелли и Гвичардини. „Эта школа есть ничто иное, какъ возрожденіе прагматической методы древнихъ“; она называлась „школою политической исторіи“ или „исторіи по образцу древнихъ“. Самое сильное вліяніе она имѣла на обработку исторіи Франціи. „Но въ половинѣ XVIII столѣтія является аббатъ Велли, какъ основатель новой исторической школы; или, по крайней мѣрѣ, Велли во-

[1]) Напечатана въ собраніи актовыхъ „Рѣчей“. Харьк. 1836.

ображалъ себя таковымъ". Она носитъ громкое названіе „философической школы". „Въ болѣе строгой послѣдовательности философическая метода является у историческихъ писателей Эдинбургской школы—Робертсона, Юма, Жиббона" (Гиббона), „въ особенности же у двухъ послѣднихъ"...

Кромѣ этихъ двухъ главныхъ направленій, Лунинъ останавливается на третьемъ—религіозно-ученомъ XVI столѣтія, главная цѣль котораго было собираніе и истолкованіе лѣтописей, грамотъ, дипломовъ и другихъ историческихъ памятниковъ среднихъ вѣковъ. Онъ „съ благодарностью и съ удивленіемъ" напоминаетъ о дѣятельности бенедиктинцевъ. „Только эти ученыя поколѣнія, прикованныя къ подножію алтарей, отказавшіяся отъ всѣхъ страстей свѣта, погрузившія себя въ пыли преданій давно минувшихъ вѣковъ, мечтавшія только о загробной наградѣ, могли создать тѣ исполинскіе памятники, которые невольно устрашаютъ и смиряютъ ученое человѣчество XIX столѣтія". Ихъ соревнователями являются іезуиты (Гардуинъ, Лаббе, Петавій). Въ заключеніе здѣсь Лунинъ упоминаетъ о Фрегерѣ, Ниту и въ особенности о Дюканжѣ.

Вторая часть рѣчи особенно любопытна, такъ какъ Лунинъ высказываетъ въ ней взгляды на задачи историка и ставитъ „важный вопросъ": „что̀ входитъ въ объемъ истинной и полной исторіи?" Къ этимъ взглядамъ намъ придется еще вернуться, при характеристикѣ Лунина, какъ историка, и поэтому, чтобы не повторяться, я пока не буду останавливаться на нихъ, а перейду къ дальнѣйшимъ замѣчаніямъ его о недостаткахъ прежнихъ историческихъ школъ и къ тому, въ чемъ онъ видитъ заслуги Вальтера Скотта въ дѣлѣ изученія исторіи.

Макіавелли и его послѣдователи облекли среднюю исторію въ классическую форму, а „подъ конецъ XVII столѣтія", говоритъ Лунинъ, „полугрубые крѣпкіе витязи готическихъ временъ надѣваютъ парики вѣка Людовика XIV и мѣняютъ свои тяжеловѣсные латы на легкій кафтанъ изнѣженныхъ поклонщиковъ всесильной Ментенонъ" (стр. 12—13). „Но вліяніе особности вѣка, которому принадлежалъ самъ авторъ, на изображаемую имъ эпоху, приложеніе господствующихъ современныхъ идей и понятій отдаленному человѣчеству, является уже болѣе неограниченнымъ у писателей философической школы" (стр. 13). „Однимъ словомъ", замѣчаетъ Лунинъ, „средняя исторія до новѣйшихъ временъ еще не существовала: она была погребена въ смиренныхъ лѣтописяхъ, покоившихся въ продолженіе вѣковъ подъ

пылью европейскихъ архивовъ, библіотекъ, монастырей; въ колоссальныхъ собраніяхъ бенедиктинцевъ и іезуитовъ, въ словаряхъ Дюканжа, въ капитуляріяхъ Балузія, въ неразгаданныхъ сводахъ готическихъ соборовъ: только въ послѣднія десятилѣтія нашего столѣтія Европа почувствовала нужду углубиться въ забытые рудники среднихъ вѣковъ;—и наше поколѣніе было поражено богатствомъ жилъ, роскошью подземнаго царства, которое такъ долго попиралось съ невѣжественнымъ презрѣніемъ“ (стр. 13—14).

По словамъ Лунина, Вальтеръ Скоттъ, „безспорно величайшій историческій геній новыхъ временъ“, вполнѣ понялъ ту истину, что подъ внѣшними формами жизни каждаго вѣка скрывается одна общая идея и что безъ знакомства съ внѣшними явленіями мы никогда не будемъ въ состояніи постигнуть ихъ творческаго первообраза (стр. 15).

„Въ его романахъ болѣе истинной исторіи, нежели въ историческихъ произведеніяхъ большей части писателей-философовъ, изображавшихъ одну съ нимъ эпоху... Творецъ Веверлея былъ первый, который вывелъ на сцену разнородныя племена, постепенное сліяніе которыхъ въ теченіе времени образовало великія націи Европы, и вслѣдствіе этого разложенія показалъ намъ совершенно новый міръ причинъ и побужденій, условливавшихъ въ продолженіе вѣковъ борьбу основныхъ частей этихъ великихъ массъ и породившихъ постепенно политическія и нравственныя явленія западной цивилизаціи“. Луниинъ спрашиваетъ: „кто прежде Вальтера Скотта говорилъ о саксонцахъ и норманахъ во времена Ричарда Львинаго Сердца? Какъ будто бы достаточно одного сраженія, одной перемѣны династіи, чтобы слить двѣ враждебныя націи, тогда какъ дѣло шло объ имуществѣ, о независимости, о жизни и смерти?.. Кто видѣлъ прежде Вальтера Скотта въ возстаніяхъ Шотландіи противъ Англіи въ 1715 и въ 1745 г.г. вѣковую народную ненависть свободныхъ горцевъ, гордыхъ потомковъ могучихъ гальскихъ племенъ, противъ жителей равнинъ, наслѣдниковъ саксонскихъ завоевателей?“ (стр. 17). „Главный моментъ, на которомъ основано историческое проявленіе Шотландіи, которымъ условленъ индивидуальный характеръ онаго, есть различіе народнаго происхожденія не только между англичанами и шотландцами, но и между двумя главными отраслями народонаселенія самой страны“ (стр. 18).

„То, что̀ положило на всю имперію Шотландіи ея индивидуальную физіономію,—то, что̀ придаетъ ей какую-то особую драматическую

занимательность, есть враждебная наслѣдственная ненависть горцевъ противъ южныхъ жителей равнинъ, переходившая изъ рода въ родъ и раздиравшая государство во всѣ эпохи междоусобными войнами. Вальтеръ Скоттъ былъ первый, который вполнѣ постигъ этотъ живительный элементъ шотландской исторіи; онъ былъ первый, который проникъ въ эти основныя условія общественной организаціи своего отечества, который разложилъ шотландскую націю на ея составныя стихіи, и въ ея нравственныхъ наклонностяхъ и наслѣдственныхъ страстяхъ усмотрѣлъ физіологическіе законы ея различнаго происхожденія"... (стр. 19—20).

Вообще Лунинъ придаетъ чрезвычайно большое значеніе Вальтеру Скотту.

„Можетъ быть, ничто не способствовало болѣе историческому направленію нашего вѣка", говоритъ онъ, „какъ чтеніе геніальныхъ твореній Вальтера Скотта. Историческій интересъ, налагающій на его романы общій отпечатокъ истины, долженъ былъ поразить воображеніе каждаго образованнаго читателя и сблизить его съ феодальнымъ міромъ среднихъ вѣковъ, такъ долго забытыхъ, такъ долго презрѣнныхъ европейскою литературою"... (стр. 22).

„Если главный характеръ среднихъ вѣковъ есть *Религіозность*, фантастическая, безпредѣльная, которая въ такихъ колоссальныхъ формахъ отразилась въ феодальной гіерархіи, которая такъ глубоко проникла многосложную жизнь средняго человѣчества,—или другими словами, преобладаніе внутренняго человѣка надъ внѣшнимъ;—духа надъ природою,—идеи надъ формою;—мы въ правѣ спросить: могъ ли понимать исторію среднихъ вѣковъ скептицизмъ XVIII столѣтія, холодный, матеріальный, отравленный развратомъ регентства, утопавшій въ древнемъ единствѣ?" (стр. 23).

Такъ заканчиваетъ Лунинъ свою рѣчь. Мы привели многочисленныя выдержки изъ нея между прочимъ потому, что въ нихъ выражается его взглядъ не только на Вальтера Скотта, но и на средніе вѣка, и на исторію вообще.

4) Большая, особенно для того времени, статья: *Индія. Взглядъ на жизнь индостанскаго народа* (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1837, іюль, 86 стр.). Начинается она подробнымъ „географическимъ обозрѣніемъ Индостана, съ присовокупленіемъ географическихъ понятій браминскаго ученія объ образованіи нашей земли"; затѣмъ слѣдуетъ: „Элементы народонаселенія"; „Постепенное происхожденіе кастъ. Священная литература Индіи"; „Отношенія кастъ"; „Іерархическая архи-

тектура. Религіозныя памятники Индостана", и наконецъ „Взглядъ на политическую исторію Индіи".

Статья эта любопытна особенно въ томъ отношеніи, что здѣсь въ началѣ почти каждой главы или параграфа Лунинъ выставляетъ обыкновенно какой-либо общій законъ или правило, наблюдаемые въ исторіи человѣчества или хотя бы только индостанскаго народа, а дальнѣйшее изложеніе служитъ развитіемъ или иллюстраціей такихъ общихъ положеній.

Такъ, въ началѣ главы объ „элементахъ народонаселенія" Лунинъ „постановляетъ общимъ закономъ исторіи, что только тамъ, гдѣ мы въ началѣ или, такъ сказать, въ преддверіи исторіи каждаго народа встрѣчаемъ... двойственность началъ..., colluvies gentium" (побѣдителей и побѣжденныхъ), „могутъ развиться вполнѣ или до опредѣленной точки, смотря по внутреннему свойству каждаго человѣческаго племени, сѣмена прочной и самостоятельной образованности. Для образованности народовъ потребны всегда разнородные элементы, и борьба этихъ элементовъ есть необходимое условіе дальнѣйшаго развитія оной". „Это условіе образованности", утверждаетъ Лунинъ, „проглядываетъ изъ исторіи всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ" (стр. 11—12).

По поводу происхожденія кастъ Лунинъ замѣчаетъ: „Первоначальная идея о Богѣ у древнѣйшихъ и первобытныхъ народовъ является въ болѣе или менѣе возвышенныхъ формахъ, и только впослѣдствіи она измѣняется въ отвратительныя формы естественнаго политеизма". Такимъ образомъ, уже онъ полагалъ, что политеизмъ и фетишизмъ—не первая стадія религіознаго сознанія. „Въ патріархальномъ обществѣ", продолжаетъ Лунинъ, „отецъ семейства является, какъ первоначальный жрецъ... Но съ распространеніемъ общества скоро отдѣляется уже цѣлое семейство, или цѣлое племя, или цѣлый классъ отъ прочей массы народа, и дѣлается исключительнымъ истолкователемъ воли Божества... *Вездѣ одни и тѣ же постоянные законы.* Но съ образованіемъ особаго исключительнаго сословія жрецовъ, полагается основаніе и къ раздробленію первоначальной идеи о Богѣ". На этомъ основывается отчасти „другой законъ ѳеократической власти: что прочность и совершенное развитіе оной зависитъ отъ существованія кастъ, какъ мы ихъ находимъ въ Индіи и Египтѣ" (стр. 21 сл.).

„Борьба духовной власти съ свѣтскою рано ли, поздно ли, неминуема", говоритъ далѣе Лунинъ. „Браминъ и его санкція для индійскаго рая такъ же необходимы, какъ помазаніе римскаго первосвященника для императора Германіи въ средніе вѣка, или мага для

персидскаго царя; и брамины бросали также перуны своихъ анаѳемъ противъ богоотступной касты воиновъ, какъ и римскіе епископы противъ сильныхъ и мужественныхъ властителей западной Европы, которые дерзали противиться ихъ гордымъ велѣніямъ. Подобно исторіи западно-европейскихъ среднихъ вѣковъ и исторіи Египта, санскритская литература наполнена преданіями о частыхъ распряхъ браминовъ съ кастою царей и воиновъ" (стр. 21—25).

Прежде, нежели приступить къ изложенію взаимныхъ отношеній кастъ, Лунинъ ставитъ „общимъ правиломъ, что всѣ прочія касты являютъ намъ безчисленныя искусственныя подраздѣленія, между тѣмъ какъ каста жрецовъ образуетъ одно нераздѣльное тѣло" (стр. 38—39).

Говоря объ „іерархической архитектурѣ", Лунинъ замѣчаетъ: „Колоссальныя произведенія архитектуры и скульптуры, носящія на себѣ религіозный характеръ, слѣдовали повсюду за ѳеократическою системою. Во всѣхъ странахъ, гдѣ мы находимъ остатки помянутыхъ памятниковъ, исторія встрѣчаетъ слѣды іерархическаго владычества" (стр. 52 сл.). И затѣмъ слѣдуютъ примѣры, въ томъ числѣ „великолѣпный храмъ Іерусалимскій".

Даже VI параграфъ, представляющій „Взглядъ на политическую исторію Индіи", Лунинъ начинаетъ установленіемъ правила: „Предварительное правило", говоритъ онъ, „которымъ мы должны руководствоваться въ семъ краткомъ изложеніи древней исторіи Индостана, есть слѣдующее: индусы не имѣютъ хронологіи и исторіи въ томъ смыслѣ, въ которомъ эти науки принимаются у западныхъ народовъ" (стр. 73—74).

5) Другая тоже обширная статья, посвященная Востоку,—*Взглядъ на исторіографію древнѣйшихъ народовъ Востока*, помѣченная августомъ 1839 г., но напечатанная лишь въ 1842 году (въ „Москвитянинѣ", ч. IV—V).

Послѣ вступительныхъ замѣчаній болѣе или менѣе филологическаго характера о словѣ „исторія" и другихъ сродныхъ названіяхъ, Лунинъ даетъ общую характеристику восточной исторіографіи. „Историографическое искусство", говоритъ онъ, „развивалось у каждаго народа по индивидуальнымъ законамъ его отдѣльнаго проявленія на поприщѣ человѣчества, на Востокѣ иначе, нежели на Западѣ: ибо исторіографія есть не что иное, какъ возсозданіе жизни человѣчества въ общности (всеобщая Исторія), или частности (спеціальная исторія), въ систематическомъ цѣломъ, или другими словами, картина

человѣческаго существованія въ религіи и государствѣ, въ судьбахъ и опытахъ, въ наукѣ и гражданственности, въ литературѣ и промышленности. Азія, колыбель первыхъ обществъ и первой гражданственности, представляетъ намъ и древнѣйшіе писанные историческіе памятники. Но эти памятники носятъ на себѣ особый отпечатокъ, отпечатокъ народовъ, блуждающихъ въ сумеркахъ теократическихъ и героическихъ вѣковъ, между поэзіею и прозою, между вымысломъ и дѣйствительностью". Лунинъ цитируетъ Гегеля (Vorlesungen über Aesthetik, III, p. 257), по которому „жители Востока, за исключеніемъ можетъ быть однихъ только китайцевъ, не имѣютъ довольно прозаическаго чувства, чтобъ представить истинныя историческія творенія, предаваясь то чисто религіознымъ, то фантастическимъ истолкованіямъ и преобразованіямъ дѣйствительнаго". По мнѣнію Лунина, „къ главнѣйшимъ причинамъ, преломлявшимъ искони на Востокѣ объективный міръ историческихъ данныхъ въ субъективности дѣписателя, въ воспроизведеніи оныхъ въ писанной исторіи, можно причислить слѣдующія:

„1. Міръ Востока покоится на началѣ нравственности, на практическомъ внѣшнемъ понятіи добра и зла, отнюдь же не на высшемъ сознаніи правъ и обязанностей человѣка и согласованія своихъ дѣйствій съ этимъ сознаніемъ—это первая ступень къ ограниченію произвола и страстей человѣка. Нравственныя правила, или то, что принимается за таковыя, предписаны какъ *законы*, но такъ, что субъективная воля человѣка, его дѣйствія, управляется этими законами, какъ внѣшнею властью, принудительнымъ средствомъ, и что вслѣдствіе того весь внутренній міръ разрушенъ, свобода нравственныхъ чувствъ, совѣсть, сознаніе добра и зла не существуютъ, потому что они повелѣваются, если они даже и находятся въ гармоніи съ индивидуальнымъ убѣжденіемъ" (слѣдуетъ ссылка на *Hegel*, Vorlesungen über d. Philosophie d. Geschichte, p. 108 sq.), и т. д.

„2. Каждый народъ Востока имѣетъ только *одну книгу*, въ которую онъ вѣруетъ какъ въ откровеніе высочайшей премудрости, какъ въ единственный источникъ всѣхъ человѣческихъ познаній, законовъ и нравственности, единственный архивъ всѣхъ религіозныхъ, философскихъ, политическихъ и историческихъ правилъ и мнѣній, а исключительною истолкователницею оной была тамъ каста богослужителей... Отъ того-то это однообразіе понятій, однообразіе цивилизаціи Востока, которое впродолженіе тысячелѣтій, характеризуетъ народы Азіи. Наконецъ.

„3. Мы должны искать третью общую причину въ самомъ происхожденіи восточныхъ государствъ. Всѣ восточныя монархіи основаны на завоеваніи и, такъ сказать, живутъ и держатся духомъ завоеванія... Нигдѣ преданія о всемірныхъ завоевателяхъ не распространены повсемѣстнѣе, нигдѣ они не имѣютъ бо́льшей чары на умы и фантазію, нигдѣ не встрѣчаемъ мы большаго однообразія политическихъ началъ, какъ именно въ Азіи. Эти государства появляются, процвѣтаютъ и упадаютъ вслѣдствіе однихъ и тѣхъ же законовъ: ихъ появленіе подобно внезапному разрушительному урагану; ихъ жизнь и процвѣтаніе кратковременны, ихъ паденіе быстро... Но въ этой-то внезапности и быстротѣ, въ этомъ однообразіи политическихъ переворотовъ заключается смерть исторіи...“ (стр. 289—292).

Лунинъ указываетъ на разницу между „восточными бытописателями“ и „истинными историками запада“, проявляющуюся именно въ томъ, „что въ твореніяхъ первыхъ выступаютъ рѣзко наружу индивидуальность, вѣрованія, предразсудки, ненависть, понятія самого писателя или того племени и народа, которому онъ принадлежитъ по своему происхожденію или съ которымъ онъ скованъ по своимъ политическимъ отношеніямъ; напротивъ того у западныхъ писателей эта личная и дробная индивидуальность исчезаетъ, и мѣсто ея заступаетъ элементъ общности, элементъ аналитическаго воззрѣнія на происшествія по законамъ разума, элементъ критики“ (стр. 293).

Затѣмъ Лунинъ переходитъ къ тому, „что завѣщали главнѣйшіе народы Азіи на поприщѣ исторіографіи? какого рода лѣтописи и историческіе памятники этихъ народовъ, дошедшіе до нашихъ временъ?“ Разсматриваются историческія произведенія Китая, Индіи и Персіи въ связи съ исторіей и характеромъ народа, при чемъ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, что, говоря о Персіи, Лунинъ высказываетъ между прочимъ мнѣніе, что Геродотъ пользовался персидскими архивами при расписаніи народовъ въ войскѣ Ксеркса и при описаніи состава персидскаго флота, — мысль, которую мы теперь встрѣчаемъ, въ иной нѣсколько формѣ, и у новѣйшихъ ученыхъ [1]). Переходя къ вопросу о томъ, что̀ осталось изъ древней литературы персовъ, и знаемъ ли мы что-либо о древнемъ языкѣ персовъ, Лунинъ говоритъ подробно объ Анкетилѣ дю Перронѣ, о главныхъ языкахъ персовъ и литературѣ, о Зороастрѣ и его религіи.

[1]) См. напр. *K. W. Nitzsch*, Über Herodots Quellen für die Gesch. d. Perserkriege (Rhein. Mus., 27 B., 1872, S. 234); ср. *Ed. Meyer*, Forschungen z. alten Gesch. Halle, 1899, II, 232.

Статья эта носитъ спеціальный характеръ. По словамъ М. И. Сухомлинова [1]), она особенно цѣнилась въ свое время; но написана она тяжело, туманно, какъ видно и изъ приведенныхъ цитатъ, и вообще по обработкѣ и изложенію уступаетъ другимъ печатнымъ работамъ Лунина. Само собою разумѣется, что въ ней окажется и много невѣрнаго съ точки зрѣнія современной науки; но надо помнить, что статья писалась въ 30-хъ годахъ, т. е. до великихъ открытій Ботты, Лэйярда, Раулинсона, Смита, и въ частности до открытія, напримѣръ, лѣтописей ассирійскихъ царей.

6) *Нѣсколько словъ о римской исторіи* („Москвитянинъ", 1841, ч. V). Эти „Нѣсколько словъ"—въ своемъ родѣ замѣчательная статья по силѣ обобщающей мысли, по воодушевленію, съ какимъ она написана, по образности языка. Здѣсь, на 18 страницахъ, Лунинъ даетъ очеркъ въ сущности всей исторіи древности, указываетъ общій ходъ и основной смыслъ исторіи Востока, Греціи и Рима, упоминаетъ о заслугахъ и „преступленіяхъ" послѣдняго, отмѣчаетъ, что является вѣчнымъ въ его созданіи, что внесъ онъ въ исторію человѣчества.

Историческое міросозерцаніе Лунина, его общій взглядъ на исторію древности, самая его манера изложенія и стиль ярче всего обнаруживаются въ этой небольшой статьѣ. Поэтому я остановлюсь на ней подробнѣе и буду приводить по возможности подлинныя слова автора.

Лунинъ начинаетъ съ указанія на разнообразіе природы, политическаго строя, физическаго и нравственнаго быта народовъ въ древности. Народы эти мало-по-малу теряютъ самостоятельность: они покоряются Риму. „Подобно безпредѣльному морю, Римъ принимаетъ въ себя всѣ отдѣльные потоки и струи; исторія Рима дѣлается исторіею вселенной".

„Никто не станетъ оспаривать, что исторія народа, который умѣлъ покорить своему владычеству весь извѣстный міръ древности, должна представлять сама по себѣ высокую степень занимательности и важности для каждаго, кто неравнодушенъ къ судьбамъ человѣчества; но кто знаетъ, что римская исторія, независимо отъ своей политической важности, есть воплощеніе всѣхъ цивилизацій древности, если и нерѣдко только воплощеніе отрицательное;—что въ религіи Рима слились всѣ политическія начала тогдашняго міра; что всѣ политическія системы, всѣ организаціи, общественныя и частныя, жили и дышали

[1]) Уничтож. дис. Н. И. Костомарова, стр. 45—46.

подъ защитою или притѣсненіемъ римскаго единства; что всѣ философскія системы, всѣ знанія, всѣ литературы, всѣ искусства и художества, всѣ отрасли промышленности, всѣ истины и обманы, добродѣтели и пороки, богатство и нищета, сосредоточивались въ сердцѣ римскаго колосса и посредствомъ его могучаго біенія разливались по всѣмъ безчисленнымъ артеріямъ и суставамъ до послѣднихъ оконечностей этого исполина,—тотъ пойметъ, что изученіе исторіи подобнаго народа пріобрѣтаетъ уже само по себѣ высшую степень важности и занимательности; что исторія римскаго народа близка и сродственна душѣ и сознанію всякаго образованнаго человѣка; для всякаго, кто еще не убилъ своего духа въ тѣсной области грязной корысти и матеріальнаго существованія, чья грудь еще не загрубѣла противъ привѣтовъ высокаго и великаго въ человѣческой природѣ"!

„И когда мы наконецъ всмотримся въ великую картину заката римской славы и римскаго блеска, въ длинную эпоху паденія имперіи, мы увидимъ, что Римъ былъ не менѣе великъ и въ своей отрицательности, въ своей болѣзни и медленномъ разрушеніи, какъ и во времена своего роста и расширенія своего владычества надъ вселенною. Какъ живучи, какъ вѣчны, можно сказать, были всѣ начала римской жизни и римскаго проявленія! Тотъ духъ, который умѣлъ созвать всѣхъ боговъ и всѣхъ духовъ вселенной въ Пантеонъ своего всемірнаго владычества;—который умѣлъ сковать подобныя цѣпи для народовъ и сплавить разнороднѣйшія стихіи и индивидуальности въ твердую компактную массу римскаго единовластія, былъ по истинѣ духъ великій и колоссальный!—По стопамъ римскихъ побѣдъ и завоеваній слѣдовало не одно разрушеніе, не одни грабительства проконсуловъ и пропреторовъ—обыкновенное и ложное понятіе;—напротивъ того, пути римскихъ легіоновъ обозначены безчисленнымъ множествомъ городовъ, крѣпостей, замковъ, укрѣпленныхъ становъ, въ которыхъ немедленно водворялись формы и духъ римской общины, римскія знанія, искусства, ремесла, римская религія;—Римъ связалъ эти города, крѣпости, станы между собою удобными, неистребимыми дорогами; тысячелѣтія и другія цивилизаціи покрыли эти дороги толстымъ слоемъ земли; но и въ наше время мирный пахарь нерѣдко притупляетъ или ломаетъ свою соху о твердыя массы, перерѣзывающія невидимо его поляну и напоминающія ему о давно минувшемъ мірѣ, о другихъ временахъ и поколѣніяхъ людей".

„И когда римскій колоссъ палъ наконецъ мертвый и бездыханный, онъ оставилъ по себѣ не однѣ развалины: жизнь, струившаяся нѣ-

когда въ его суставахъ, перелилась въ другіе, свѣжіе организмы и начала дышать съ обновленною творчественностью: она воскресла посреди ночи среднихъ вѣковъ; римскіе памятники, муниципальное устройство, система римскаго права, языкъ римлянъ зажили и заговорили въ кругу новыхъ людей, посреди чуждыхъ враждебныхъ общественныхъ отношеній, подъ сѣнью другой, истинной религіи;—зажгли первый свѣтильникъ общественнаго порядка и общественной и частной безопасности посреди смутнаго раздолья феодальныхъ страстей"! (стр. 407—9).

Лунинъ сопоставляетъ исторію Рима съ исторіею другихъ народовъ древности—Востока и Греціи—и находитъ между ними большую разницу.

Рожденіе Рима было едва замѣтное; его ростъ медленъ. Не такъ ростутъ и развиваются народы и царства Востока. „Здѣсь развитіе человѣка и общества гармонируютъ съ цѣлою природою". Въ развитіи человѣческаго организма та же быстрота и скоротечность, что̀ и въ природѣ (стр. 411). Здѣсь все непрочно, минутно, непостоянно (стр. 412).

„То, чего недоставало Востоку, было именно богатымъ удѣломъ греческой жизни: греческая исторія есть по истинѣ только блестящій подвигъ юношескаго возраста". Въ первомъ ряду стоитъ Ахиллесъ: это *поэтическій* юноша; Алкивіадъ—это *историческій* юноша; наконецъ замыкаетъ греческую исторію Александръ Великій, „этотъ *всемірный* юноша". „Греческому народу не суждено было дожить до своей полной мужественности: онъ окончилъ свое политическое существованіе рано, подобно какъ его герои умерли въ цвѣтѣ своихъ лѣтъ" (стр. 413).

Въ Греціи Лунинъ видитъ „первое пробужденіе человѣческаго духа, первое сознаніе человѣческой индивидуальности". Греческій міръ поставленъ на границѣ между Востокомъ и Западомъ. Высокое назначеніе Греціи—„быть посредницею между Азіею и Европой, примирительницею между Востокомъ и Западомъ"; средство для этой великой цѣли—„развитіе изящной человѣчности". И Греція выполнила свою задачу: „человѣческо-изящная форма выразилась не только въ греческой религіи, поэзіи, художествахъ; напротивъ того, она напечатлѣлась на всемъ духовномъ и политическомъ проявленіи еллиновъ" (стр. 413—414). Напримѣръ, философія Платона, „какъ лучшій масштабъ прекрасной мыслительной потенціи греческаго ума", есть, „по своей формѣ и содержанію, изящное произведеніе" (стр. 415).

Роль посредницы между Востокомъ и Западомъ, которая была историческимъ призваніемъ Греціи, яснѣе видна въ политической жизни. И въ Греціи, какъ и на Востокѣ, говоритъ Лунинъ, политическое процвѣтаніе и упадокъ тѣсно связаны съ человѣческою индивидуальностью, „но съ тѣмъ различіемъ, что на Востокѣ эта индивидуальность дѣйствуетъ какъ насильственный, разрушающій элементъ, который воздвигаетъ новое на развалинахъ сокрушеннаго зданія и который въ то же время снѣдаетъ это зданіе, подобно какъ до-еллинскій Кроносъ глотаетъ своихъ собственныхъ дѣтей“ (стр. 415). Напротивъ, „греческіе номотеты и государственные мужи суть изящныя нравственныя индивидуальности: съ греческимъ народомъ выступаетъ наружу прогрессивный, совершенствующій нравственный моментъ, сознаніе человѣка, какъ члена общества, которому онъ обязанъ своею политическою независимостью и законною защитою и независимость и безопасность котораго зависятъ наоборотъ отъ него. Греческіе основатели общественныхъ формъ не суть завоеватели и истребители народовъ; они возстаютъ изъ среды самого народа и преобразуютъ мирно и разумно существующіе готовые элементы въ согласное полное цѣлое, въ округленный государственный организмъ, смотря по мѣстности, народности и времени. И здѣсь тѣ же изящныя округленныя формы, какъ и во всѣхъ созданіяхъ греческаго ума... Греческіе законодатели были истинные художники, истинные косметы своего отечества“ (стр. 415—416).

Такимъ образомъ, по Лунину, „греческая жизнь, подобно дорическому Аполлону, представляетъ намъ картину юности и прекрасныхъ формъ; но юность и красота недолговременны; въ безконечныхъ праздествахъ и играхъ, въ гостяхъ у боговъ и на народныхъ пирахъ Олимпій..., въ гимназіяхъ и палестрахъ, на публичныхъ площадяхъ, въ театрахъ,—въ какомъ-то свѣтломъ и беззаботномъ упоеніи, промчалась эта жизнь быстро, подобно волшебному видѣнію... Бури междоусобія и гроза македонскаго владычества прошли разрушительно надъ греческими государствами: разгромленная въ своей народности, растерзанная въ своихъ составахъ, безъ равновѣсія, безъ политическаго центра, Греція расточала свои послѣднія силы въ народныхъ браняхъ, когда внезапно ее застигъ холодъ римскаго завоеванія“ (стр. 417).

И Лунинъ снова переходитъ къ Риму, къ выясненію его всемірно-исторической роли и значенія. „Быть общимъ вмѣстилищемъ и проводникомъ древнихъ цивилизацій было всемірнымъ назначеніемъ Рима;—

общественное и частное право, такъ какъ оно развилось медленно, но твердо и вѣчно, въ теченіе длинной цѣпи вѣковъ внутренней борьбы и внѣшней политики, было средствомъ къ осуществленію этого призванія“ (стр. 417—418).

Лунинъ отмѣчаетъ контрастъ между Греціей и Римомъ: въ греческой жизни „духовность и внѣшность отразились въ веселости, въ какой-то свѣтлой беззаботности и наслажденіи, въ прекрасныхъ формахъ, въ дружбѣ съ началомъ естественности, съ природою“; здѣсь государство не развилось еще въ отвлеченность и, „какъ общій моментъ, не подавляло еще индивидуальныхъ, человѣческихъ партикулярностей“; напротивъ, въ Римѣ насъ поражаетъ строгость, суровость духа и формы,—„римская gravitas, эта холодная важность и величавость, отразившаяся на всѣхъ институтахъ, на частномъ и общественномъ существованіи, на памятникахъ и литературѣ римскаго народа,—вылившаяся въ цѣлой исторіи римскаго завоеванія“.

Общественное зданіе древняго Рима не было созданіемъ какого-либо отдѣльнаго лица: оно было порожденіемъ столѣтій и длиннаго ряда поколѣній и переворотовъ. Въ римскомъ проявленіи „индивидуальность отступаетъ назадъ“, исчезаетъ въ обществѣ, которое стоитъ уже на первомъ планѣ.

Но прежде чѣмъ сдѣлаться всемірнымъ проводникомъ древнихъ цивилизацій, Римъ „долженъ былъ напередъ рѣшить двоякую задачу: во-первыхъ, подготовить себя для своего великаго подвига, развить условныя начала своей внутренней жизни и укрѣпить свое общественное тѣло; и потомъ завоевать поприще для осуществленія своего всемірнаго назначенія.—Римляне были первымъ народомъ, у котораго общественное и частное право развилось въ отвлеченности, въ общія понятія, независимыя отъ мѣстности и народности;—а это“, замѣчаетъ Лунинъ, „уже исполинскій шагъ на пути человѣческаго развитія“ (стр. 418—419).

Исторія Рима есть исторія борьбы двухъ началъ—побѣдителей съ побѣжденными. Это образуетъ существенное основаніе и условіе римской исторіи, жизненный источникъ духа и силы народа. „Отсюда-то родились и созрѣли, во-первыхъ, сознаніе этого духа и силъ, а потомъ свободная общность, идея отвлеченной свободы.—Въ кругъ этого общаго понятія, этой отвлеченной свободы входятъ, во-первыхъ, свобода, независимость государства, понятіе отвлеченнаго государства (res publica)“; съ другой стороны „создается *личность*, свобода человѣка въ его частномъ существованіи“ (стр. 420).

„Ходъ римскаго развитія былъ другой, нежели у другихъ народовъ“, заключаетъ Лунинъ свою статью; „зданіе римскаго могущества было воздвигнуто на твердомъ, вѣчномъ основаніи: ибо Римъ не только разрушалъ, но и творилъ;—въ постоянныхъ войнахъ съ окрестными народами, въ непрерывной цѣпи внутреннихъ смутъ и споровъ,—въ трудахъ и лишеніяхъ, римскій народъ укрѣпилъ себя для своего будущаго призванія: законы и учрежденія Рима были куплены дорогою цѣною, были порождены повелительною потребностью народной общины, вскормлены и вырощены вѣками;—и закаленный въ политическихъ буряхъ, гордый своими законами и институтами, римскій геній пошелъ смѣло на завоеваніе вселенной. Всѣ отдѣльные народы и колѣна, большія и маленькія государства и автономіи,—всѣ самостоятельныя и религіозныя существованія... исчезаютъ одни за другими и превращаются въ сложный, необъятный и разноцвѣтный помостъ римскаго единовластія, сплавленный крѣпко и твердо, подобно мраморнымъ мозаикамъ римскихъ монументовъ, цементомъ римской политики и муниципальныхъ и военныхъ учрежденій, и когда наконецъ Октавіанъ положилъ предѣлъ гражданскимъ войнамъ и стяжалъ для себя и своего рода единодержавіе, Orbis terrarum превратился уже въ Orbis Romanus, и римскіе орлы усѣлись гордо и величаво на могилахъ народныхъ самостоятельностей древности“ (стр. 421—422).

Статья эта сопровождается въ концѣ такимъ примѣчаніемъ отъ редакціи „Москвитянина“: „Одинъ изъ ревнителей отечественнаго просвѣщенія замѣчалъ намъ, что мы не имѣемъ въ журналѣ статей педагогическихъ. Мы промолчали, не надѣясь по особымъ причинамъ на убѣдительность своего отвѣта, но теперь спрашиваемъ и отдаемъ свой вопросъ на *судъ всего ученаго міра*: не принесетъ ли такая статья (не говоря о прочихъ ея достоинствахъ) гораздо болѣе пользы всякому учителю гимназіи и даже уѣзднаго училища, нежели всѣ такъ называемыя педагогическія мертвыя наставленія“...? (стр. 422—3).

Разумѣется, и въ этой статьѣ найдется много невѣрнаго, напримѣръ взглядъ Лунина на Востокъ и его монархіи, на Грецію, на которую Лунинъ смотритъ съ господствовавшей нѣкогда романтической и эстетической точки зрѣнія, то-есть съ той, которая видѣла въ греческой жизни лишь гармонію, а въ грекахъ, по выраженію Виламовица,—„возвышенно настроенныхъ мужей и юношей, поклонявшихся красотѣ и жившихъ въ мірѣ грезъ о прекраснѣйшей жизни, тогда какъ надъ ними улыбалось вѣчно голубое небо“... Но мы не будемъ

входитъ въ подробный критическій разборъ взглядовъ Лунина съ точки зрѣнія науки начала XX вѣка.

III.

Въ общемъ учено-литературное наслѣдіе Лунина невелико и не объясняетъ еще тѣхъ восторженныхъ отзывовъ, какіе мы слышимъ о немъ отъ тогдашнихъ современниковъ. Дѣло въ томъ, что „много знавшій, много трудившійся", Лунинъ „очень мало печатался" [1]), и, по отзыву слушателей, его печатные труды не даютъ о немъ полнаго понятія: это понятіе могли бы дать только читанные имъ курсы, составлявшіе главный трудъ его жизни.

Относительно лекцій Лунина свидѣтельства единогласны. По словамъ Костомарова, „нельзя сказать, чтобы Лунинъ былъ одаренъ счастливымъ даромъ слова; грудь у него была слабая, голосъ не громкій, дикція монотонная и какъ будто жеманная; но эти недостатки выкупались богатствомъ содержанія и критическимъ направленіемъ, къ которому онъ умѣлъ расположить влеченіе своихъ слушателей. Его лекціи по древней исторіи, и преимущественно востока, и по средней исторіи, особенно лекціи о распространеніи христіанства и о борьбѣ его съ язычествомъ, были столько же глубокомысленны, какъ и увлекательны. Исторію новыхъ вѣковъ читалъ онъ слабѣе и, какъ кажется, самъ менѣе ею занимался. Вообще лекціи этого профессора оказали на меня громадное вліяніе и произвели въ моей духовной жизни рѣшительный поворотъ" [2])... Отзывъ Костомарова для насъ тѣмъ болѣе имѣетъ значеніе, что исходитъ отъ историка; при томъ Костомаровъ былъ строгъ въ оцѣнкѣ тогдашнихъ харьковскихъ профессоровъ, какъ это видно изъ сравненія его отзывовъ, напримѣръ, о Кронебергѣ и Цыхѣ съ отзывами другихъ [3]).

Воспоминанія Костомарова относятся къ началу профессорской дѣятельности Лунина. Но то же говоритъ и Де-Пуле, знавшій Лунина уже въ концѣ его недолгаго поприща. „Лунинъ", говоритъ онъ, „задался мыслью составить на русскомъ языкѣ обширный курсъ всеобщей исторіи, древней, средней и новой; по крайней мѣрѣ, каждую изъ этихъ частей онъ обработывалъ въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, которые совсѣмъ выходили изъ рамокъ студенческаго курса.

---

[1]) *Де-Пуле*, стр. 93.

[2]) *Костомаровъ*, Литерат. наслѣдіе, стр. 22.

[3]) См. у *Д. И. Багалѣя*, II, 599 сл., 603 сл.

Трудился онъ неутомимо во все время своего профессорства..., но успѣлъ окончить, сколько помнится, изъ древней исторіи до Пуническихъ войнъ, изъ средней—Крестовыми походами, а изъ новой—Вестфальскимъ миромъ“ [1]). Лунинъ не былъ ораторомъ [2]). „Лекціи свои профессоръ читалъ по тетрадкѣ, читалъ довольно монотонно и нѣсколько искусственно, слабымъ голосомъ чахоточнаго человѣка; но этотъ голосъ повышался и привлекалъ къ себѣ вниманіе слушателей, по мѣрѣ того какъ оживлялся самъ лекторъ“. Изображеніе феодальной жизни и рыцарства—блистательнѣйшія изъ его лекцій, на которыя собирались толпы слушателей. „Изложеніе его лекцій было блестящее, языкъ ихъ отличался тѣмъ изяществомъ, которое уже послѣ Лунина проявилось въ нашей литературѣ,—въ произведеніяхъ И. С. Тургенева (sic) и писателей его школы, а въ историческихъ сочиненіяхъ—у Н. И. Костомарова, его ученика. Содержаніе Лунинскихъ лекцій до такой степени было полно, что историческія произведенія московскихъ ученыхъ, явившіяся позднѣе, для учениковъ Лунина не представляли ничего особеннаго. Все написанное Лунинымъ могло бы составить 3—4 большихъ тома, листовъ въ 40 каждый“... „Мы съ Каченовскимъ“ [3]), продолжаетъ Де-Пуле, „застали этого профессора уже въ концѣ его жизненнаго и ученаго поприща, когда онъ рѣдко являлся на лекціи, мало сближался съ студентами и еще меньше—съ обществомъ; но и тогда популярность его была громадна, и *имя его неразрывно связывалось съ именемъ Харьковскаго университета, какъ имя Грановскаго съ Московскимъ*“ [4]). Можетъ быть ошибочное, но общее убѣжденіе было, замѣчаетъ тотъ же де-Пуле, что курсы Лунина такой трудъ, который составитъ эпоху въ исторіи русской науки [5]), что „Лунинъ обѣщалъ и сдѣлался бы непремѣнно вторымъ Карамзинымъ (по всеобщей исторіи), если бы не умеръ такъ рано“ [6]).

Лунинъ читалъ не общій курсъ своего предмета, а преимущественно курсы спеціальные, обнимавшіе ту или другую эпоху, чрезвычайно подробные [7]). „Одно введеніе его въ исторію на 50 листахъ

---

[1]) *Де-Пуле*. стр. 88.

[2]) *Де-Пуле*, стр. 94.

[3]) Дм. Ив. Каченовскій—извѣстный профессоръ международнаго права въ Харьковскомъ университетѣ съ конца 40-хъ по 1872 г.

[4]) *Де-Пуле*, стр. 88—89.

[5]) Стр. 93.

[6]) Стр. 113.

[7]) *М. П. Сухомлиновъ*, стр. 45—46.

чего стоило"! замѣчаетъ одинъ изъ харьковскихъ студентовъ 40-хъ годовъ [1]).

Самъ Лунинъ не успѣлъ издать свои курсы, которые онъ, повидимому, подготовлялъ съ тѣмъ, чтобы напечатать впослѣдствіи; они остались не напечатанными, хотя хорошіе списки ихъ имѣлись у нѣкоторыхъ его слушателей, напримѣръ, у его ученика и преемника по каѳедрѣ, проф. А. П. Рославскаго-Петровскаго, и у Г. С. Шведова (бывшаго потомъ директоромъ второй Харьковской гимназіи); Рославскаго не разъ потомъ винили, что взявшись, по предложенію университета, издать записки Лунина, онъ не издалъ ихъ [2]).

Одинъ изъ курсовъ Лунина (правда, неполный), читанный въ 1840 г., былъ въ нашихъ рукахъ [3]). Это—объемистая тетрадь, болѣе 400 страницъ рукописи, содержащая начало средней исторіи, или, точнѣе, введеніе въ нее,—въ томъ числѣ и тотъ отдѣлъ, который Костомаровъ отмѣчаетъ, какъ особенно выдававшійся въ лекціяхъ Лунина,—затѣмъ исторію англо-саксовъ и общій взглядъ на Европу подъ конецъ XV столѣтія. Такимъ образомъ, мы имѣемъ возможность *до нѣкоторой степени* провѣрить отзывы современниковъ Лунина и то впечатлѣніе, которое производили его лекціи. Поэтому я остановлюсь на содержаніи этого курса и, чтобы дать болѣе ясное понятіе о лекціяхъ Лунина, буду приводить по возможности его собственныя слова.

Курсъ начинается „вступительною лекціею въ исторію среднихъ вѣковъ", читанною 17-го сентября 1840 г. Прежде всего, говоритъ Лунинъ, представляется вопросъ: гдѣ начинается исторія среднихъ вѣковъ? И Лунинъ развиваетъ тутъ мысль, что „исторія не дѣлаетъ внезапныхъ скачковъ; здѣсь нѣтъ пропастей, отдѣляющихъ фактъ отъ факта; въ ней все имѣетъ свои причины, свои дѣйствія, свою строгую постепенность. Каждый фактъ, каждую идею можно уподобить снопу, составленному изъ меньшихъ сноповъ, колосьевъ, которые тоже заключаютъ въ себѣ множество зеренъ. Никакая плодовитая идея не появляется внезапно, вдругъ; фактъ, идея зарождаются, образуются, растутъ постепенно, восходятъ медленно въ пространствѣ историческихъ временъ. Они суть результаты многихъ разнообразныхъ причинъ, сложныхъ, часто разностихійныхъ. Въ исторіи, какъ и въ природѣ физической,

---

[1]) *Пашковъ* въ своихъ воспоминаніяхъ: „Идеализмъ и идеалисты сороковыхъ годовъ".

[2]) *Де-Пуле*, стр. 99; ср. бумаги *Г. С. Чирикова*.

[3]) За предоставленіе мнѣ этихъ записокъ приношу искреннюю благодарность Д. И. Багалѣю.

ничто не умираетъ"... Лунинъ бросаетъ краткій общій взглядъ на состояніе Европы въ XIV и XV ст. и переходитъ къ вопросу: „Какой интересъ имѣетъ исторія среднихъ вѣковъ для европейца вообще"? По его мнѣнію, она представляетъ не одну только „сціентическую сторону". Раздавались крики отъявленныхъ враговъ среднихъ вѣковъ; но будто благоразумные (sic; неблагоразумные?) восторги въ силѣ воскресить какой-нибудь институтъ этихъ вѣковъ! Энтузіазмъ къ среднимъ вѣкамъ опирается на болѣе прочныя основанія. Средніе вѣка суть колыбель новыхъ обществъ. Правда, они „наполнены недостатками"; но отыскивать одни недостатки въ какой-либо исторической эпохѣ и забывать ея прекрасныя стороны тоже несправедливо. И „средній міръ имѣлъ свои превосходства": это „истинно колоссальный источникъ великаго"! Лунинъ указываетъ на индивидуальность „средняго человѣка": тутъ—чувство собственной силы, чувство личности—могучее, воля—непоколебимая; въ средніе вѣка—вѣра безпредѣльная, всемогущая. Во время крестовыхъ походовъ вся Европа (западная) „вырывается изъ своихъ границъ" „не для корысти, не для завоеваній, но для искупленія Гроба Господня изъ рукъ невѣрныхъ" (о другихъ мотивахъ болѣе матеріальнаго свойства Лунинъ при этомъ не упоминаетъ). Подобно тому, какъ позже Грановскій въ своей превосходной лекціи о Людовикѣ IX, Лунинъ приводитъ сказаніе о Св. Чашѣ, о Гралѣ, какъ характерное выраженіе духа среднихъ вѣковъ, и говоритъ о средневѣковой поэзіи, а въ заключеніе своей вступительной лекціи останавливается на архитектурѣ того времени, особенно характерной въ Германіи, гдѣ большею частью имена зодчихъ неизвѣстны: „средній человѣкъ мало заботился о своемъ имени; въ своемъ чистомъ смиреніи онъ не хотѣлъ передать его грядущимъ поколѣніямъ, скрывалъ его въ какомъ-нибудь темномъ уголкѣ необъятнаго зданія, и при всемъ томъ, съ какимъ безпредѣльнымъ самозабвеніемъ трудился онъ надъ сооруженіемъ этихъ храмовъ"!... Архитектоническое искусство въ Германіи—„безличное, обладаемое мистическимъ идеализмомъ". Но за предѣлами Германіи, во Франціи, въ Англіи, искусство теряетъ свой символическій характеръ, носитъ отпечатокъ болѣе реальный, „болѣе историческій, если угодно". Готическая архитектура достигла своего совершенства въ XII и XIII ст.; она современна эпохѣ высочайшаго развитія духовной власти, могущества папы. Но за этимъ періодомъ слѣдуетъ какъ-бы вторая молодость готической архитектуры, когда она облекается въ изысканныя, причудливыя прикрасы, „и разрумяненная шествуетъ гордо къ своему упадку, рука въ руку съ

духовною властью, съ схоластическою ученостью среднихъ вѣковъ, съ феодализмомъ. Живопись и скульптура постепенно задушаютъ архитектуру".

За „вступительною лекціею" слѣдуетъ собственно „Введеніе въ исторію среднихъ вѣковъ", составляющее § 1 курса [1]).

По словамъ Лунина, въ древности мы поражаемся присутствіемъ какого-то *единства*, которое проникаетъ, охватываетъ историческое проявленіе каждаго народа; каждая цивилизація древности условлена и основана одною идеею, однимъ даннымъ, которое, „какъ первородный свѣтъ, озаряетъ самыя отдаленныя отрасли общественной жизни". „Можно положительно утверждать", говоритъ Лунинъ, „что въ древнемъ мірѣ каждое общество было порождено, взлелѣяно, воспитано однимъ первообразомъ, однимъ живительнымъ началомъ, которое условило его религіозные и политическіе институты, его нравы, его обычаи, его вѣрованія, однимъ словомъ, его нравственное и политическое развитіе". Слѣдуютъ примѣры: въ Индіи такимъ началомъ является *теократическое*, въ Египтѣ, по мнѣнію Лунина,—тоже; въ другихъ странахъ — господство завоевателей, начало силы; въ торговыхъ республикахъ—демократическое начало.

Результаты такой односложности различны: въ Греціи — быстрота развитія и паденія, въ Египтѣ и Индіи—„состояніе застойчивости и неподвижности". „Односложность цивилизирующаго элемента породила однообразіе, какую-то вѣчную скуку; страна не погибла, человѣческое общество продолжало существовать долго, даже до нашихъ временъ, но въ состояніи неподвижности, какой-то чудной оцѣпенѣлости". Этотъ характеръ единства проникъ и литературу, и всѣ созданія человѣческаго ума; это замѣчается даже въ Греціи „при непомѣрномъ изобиліи всѣхъ богатствъ человѣческаго ума".

Совсѣмъ другое зрѣлище представляетъ намъ цивилизація новыхъ временъ, новой Европы. Она поражаетъ „разнообразіемъ, смѣшеніемъ, какимъ-то хаотическимъ безпорядкомъ". „Всѣ формы, всѣ начала общественной организаціи здѣсь живутъ въ одно и то же время", и эти разнородныя силы „находятся между собою въ состояніи постоянной, вѣчной борьбы, и ни одна изъ нихъ не въ состояніи заглушить прочихъ и завладѣть исключительно обществомъ".

Въ идеяхъ и чувствахъ Европы то же разнообразіе, та же борьба, то же броженіе; тотъ же характеръ и въ литературахъ новыхъ на-

[1]) Параграфы у Лунина равняются главамъ.

родовъ. Отсюда проистекаетъ самое несовершенство формы. Вслѣдствіе того же каждая отдѣльная сторона развитія человѣческаго ума въ новыя времена стоитъ на низшей ступени, нежели соотвѣтствующія стороны въ цивилизаціяхъ древности, но зато цивилизація новой Европы несравненно богаче, многостороннѣе, нежели какая-либо другая; она находится въ состояніи безпрерывнаго прогресса, и нельзя предвидѣть его предѣла. Наконецъ европейская цивилизація находится въ согласіи съ природою, „съ общими законами внѣшняго и внутренняго міра“, ибо и „во вселенной, въ природѣ, царствуетъ то же разнообразіе, та же сложность элементовъ, вѣчно сталкивающихся, вѣчно враждующихъ“.

Припомнимъ „Исторію цивилизаціи въ Европѣ“ Гизо и мы увидимъ, что весь этотъ параграфъ у Лунина, занимающій 12 рукописныхъ страницъ, есть почти дословное воспроизведеніе начала второй лекціи Гизо.

Въ заключеніе его Лунинъ ставитъ вопросъ: какіе элементы завѣщалъ древній міръ міру новому? И вотъ § 2 посвящается обзору „Состоянія римской имперіи“. Здѣсь характеризуется политика Августа и его преемниковъ. Говоря о Траянѣ, при которомъ „миролюбивая система предшественниковъ была прервана“, Лунинъ касается тогдашнихъ войнъ; онъ отмѣчаетъ контрастъ между Адріаномъ и Антониномъ Піемъ, „хлопотливую дѣятельность“ перваго, путешествовавшаго по всѣмъ провинціямъ, и „свѣтлое душевное спокойствіе“ второго, „самыя отдаленныя путешествія котораго простирались отъ его дворца въ Римѣ до его уединенной Ланувійской виллы“. Онъ останавливается на вліяніи при Адріанѣ стоицизма, платонизма и порожденнаго ва Востокѣ мистицизма и довольно подробно говоритъ о Фаворинѣ, этомъ „своего рода министрѣ народнаго просвѣщенія“, объ Арріанѣ и Плутархѣ. Затѣмъ, говоря о Маркѣ Авреліи, который былъ „воцарившійся стоицизмъ“, Лунинъ отмѣчаетъ переселеніе германцевъ въ римскія провинціи, вслѣдствіе чего „вѣковыя плотины были прорваны, варвары стали уже твердою ногою на владѣнія имперіи и вскорѣ черными волнами хлынули на слабоохраняемое наслѣдство кесарей“; по поводу принятія многочисленныхъ толпъ варваровъ на службу онъ останавливается на перемѣнахъ въ составѣ римскаго войска; говоритъ о томъ, какъ при императорахъ различіе между римлянами, господствующимъ народомъ, и провинціалами, покоренными племенами, постепенно сглаживалось,—процессъ, довершенный Каракаллой. Но „мнимыя выгоды“ римскаго гражданства „были совер-

шенно уничтожены гнусною расточительностью деспота", и Лунинъ переходитъ къ „древнимъ данямъ и новымъ налогамъ"; вообще онъ считаетъ слѣдствія дарованія гражданства всѣмъ провинціаламъ неблагопріятными, а въ концѣ параграфа указываетъ на господство солдатчины.

§ 3 посвященъ городамъ и устройству римскихъ провинцій.

Повторяя слова Гизо [1]), Лунинъ говоритъ, что Римъ, при своемъ рожденіи,—municipium; римское правительство — система учрежденій и узаконеній, которая приличествуетъ народонаселенію, заключенному въ стѣнахъ города, или, другими словами, — система постановленій муниципальныхъ, и это свойственно не одному Риму, но и остальной Италіи. То, что называлось народами, было конфедераціей городовъ или муниципій. Деревень и селъ въ нашемъ смыслѣ не было; владѣльцами земли были жители городовъ. Лунинъ характеризуетъ римскія завоеванія, которыя на западѣ были вмѣстѣ съ тѣмъ основаніемъ множества городовъ. Частью словами Гизо, частью нѣсколько пространнѣе, онъ говоритъ о муниципальномъ характерѣ римскихъ памятниковъ, о развитіи централизаціи, деспотизма и чиновничьей іерархіи, какъ системы, способствовавшей „соединенію и сплоченію противоборствовавшихъ элементовъ римскаго міра".

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній Лунинъ обращается къ внутреннему устройству городовъ и начинаетъ съ Италіи. Изложеніе его здѣсь очень подробное. Онъ не разъ ссылается на законодательные памятники (напр. Ѳеодосіевъ кодексъ), на Савиньи, Рота и т. д. Особенное вниманіе обращаетъ Лунинъ на двѣ стороны муниципальнаго общества: на народъ и сенатъ этихъ республикъ и на ихъ магистратуры. Онъ слѣдитъ за переходомъ правъ отъ народа къ сенату, по аналогіи съ тѣмъ процессомъ, который наблюдался въ самомъ Римѣ; подробно объясняетъ избраніе магистратовъ и, ссылаясь на *Roth'a* [2]), отмѣчаетъ разницу между двумя моментами—nominatio и creatio, что̀, по его словамъ, упускалось часто изъ виду и вело къ ложному пониманію; характеризуетъ тяжелое положеніе декуріоновъ, преимущественно словами „уложенія Ѳеодосія" (Cod. Theodos.); главную причину онъ видитъ впрочемъ „не въ узаконенной конституціи городовъ, но въ произвольномъ деспотическомъ исполненіи законовъ, такъ что ни одно зло изъ временъ римской республики не перешло въ такой пол-

[1]) Ср. „Исторію цивилизаціи въ Европѣ", рус. пер. С.-Пб. 1864, стр. 25.

[2]) De re municip. Romanorum. Stuttg. 1801.

ной силѣ въ эпоху имперіи, какъ притѣсненія и безконечное разбойство римскихъ проконсуловъ и намѣстниковъ въ провинціяхъ". Извѣстно, напримѣръ, что декуріоны принуждены были пополнять изъ своего собственнаго имѣнія всѣ недоимки при взысканіи податей. „При всемъ томъ", замѣчаетъ Лунинъ, „эта несправедливость имѣла еще видъ какого-то порядка, какой-то законности; но сколько подобныхъ безстыдныхъ несправедливостей и насильствъ со стороны намѣстниковъ и легіона голодныхъ чиновниковъ подавляло провинціи и города, которыя" (несправедливости и насильства) „оставались въ неизвѣстности, которыя никогда не достигали до свѣдѣнія императоровъ или которымъ послѣдніе не въ состояніи были уже воспротивиться по своей слабости! Но что всѣ эти притѣсненія и насильства падали преимущественно на главы представителей общинъ, слѣдовательно на сенаторскія фамиліи, и что только низшее незамѣчаемое состояніе людей могло доставлять нѣкоторую безопасность противъ корыстолюбія и деспотизма чиновниковъ,—это уже согласно со свойствомъ каждаго разстроеннаго общественнаго порядка". Обращаясь къ вопросу, какимъ образомъ былъ замѣщаемъ муниципальный совѣтъ, Лунинъ замѣчаетъ, что первоначально „званіе сенатора (декуріона) было почетное, привилегированное, и дѣло шло о томъ, *кто былъ въ правѣ достигнуть подобной чести*, а впослѣдствіи, при совершенно измѣнившихся отношеніяхъ, измѣнился и вопросъ, — спрашивалось: *кто обязанъ страдать отъ этого зла?*"

Лунинъ подробно перечисляетъ разныя магистратуры, кончая канцелярскими чиновниками; при этомъ онъ проводитъ аналогію съ римскими магистратами, ссылается иногда на свидѣтельство надписей и т. под.

Обзоръ устройства *провинцій* Лунинъ начинаетъ замѣчаніемъ, что устройство это „для насъ еще не совсѣмъ ясно: многія отношенія для насъ еще загадочны, и этотъ важный предметъ еще мало обработанъ". Сказавъ о внутреннемъ устройствѣ городовъ, онъ обращается къ императорскимъ намѣстникамъ, коимъ были подчинены эти города, и къ дѣленію римской имперіи (при Константинѣ В.) на префектуры, діоцезы, провинціи.

Далѣе Лунинъ разсматриваетъ систему римскихъ финансовъ, говоритъ о бюджетѣ, налогахъ — о поземельной подати, о тѣхъ повинностяхъ, которыя лежали на не имѣвшихъ земельной собственности—кущахъ, ремесленникахъ и т. д. „Почтенный купецъ александрійскій, который привозилъ съ береговъ Индіи драгоцѣнныя каменья

и прянные коренья и снабжалъ ими западныя провинціи Рима; лихоимецъ, который стяжалъ съ своего капитала спокойный, но безчестный, по римскимъ понятіямъ, доходъ; трудолюбивый ремесленникъ, искусный механикъ, малозамѣтный откупщикъ какой-нибудь конфискованной деревушки, даже непотребныя привилегированныя женщины, — всѣ безъ исключенія должны были дѣлить свои барыши съ императоромъ и легіономъ хищныхъ чиновниковъ". Лунинъ характеризуетъ въ концѣ этого обзора „произвольную систему распредѣленія налоговъ и тираническій способъ" ихъ взиманія.

Отъ состоянія римскихъ провинцій въ концѣ IV и началѣ V стол. послѣ Р. Х. Лунинъ переходитъ къ *распространенію христіанства въ римской имперіи*, что составляетъ § 4 его курса. Онъ характеризуетъ нравственное состояніе римскаго общества, упадокъ политеизма, являвшагося уже „бездыханнымъ призракомъ", котораго ничто уже не могло оживить. „Сластолюбивый міръ древней миѳологіи, со всѣмъ развратомъ человѣческой чувственности, слѣпое мишурное игралище поэзіи, пересталъ уже быть религіею! и могли ли быть предметомъ религіознаго вѣрованія боги Овидія? боги циническіе, преступные, со всѣми слабостями и пороками послѣдняго изъ человѣковъ?—Часто возобновляемый безъ успѣха дряхлый паганизмъ имѣлъ еще въ римской имперіи многочисленныхъ приверженцевъ, но раздробленныхъ уже на партіи... Всеобщій скептицизмъ, который оставили по себѣ падшія вѣрованія паганизма: неистовства магіи, философскія и религіозныя секты, размножившіяся по всей Европѣ, Азіи и Африкѣ, лучи образованности, проникшіе уже въ низшіе классы народа; безчисленное множество рабовъ и невольниковъ, разсѣянное во всѣхъ провинціяхъ Имперіи; атеизмъ вельможъ и грубое безвѣріе народной толпы; однимъ словомъ, все призывало, все требовало необходимость общаго переворота, и этотъ переворотъ совершился.

„Въ то время, когда царственный домъ кесарей, утомленный безчисленными побѣдами и тріумфами, покоился на лонѣ всеобщаго мира; когда весь древній міръ погрузился въ упоеніе сладострастія, въ соблазны роскоши; когда нравственность издыхала; когда идеи Сократа терялись въ заглушающемъ шумѣ страстей; когда народъ, удрученный рабствомъ, съ трудомъ носилъ свои окровавленныя цѣпи и когда мудрецъ, не находя уже утѣшенія въ разногласныхъ химерахъ человѣческаго мудрствованія и съ болѣзненнымъ чувствомъ душевной пустоты, подымалъ свои взоры къ небу, смотрѣлъ на Востокъ и ожидалъ, — въ эти минуты общаго духовнаго упадка въ незамѣтномъ

уголкѣ Азіи родился Богочеловѣкъ, проповѣдывалъ, страдалъ и умеръ смертью преступника. Но онъ завѣщалъ своимъ ученикамъ непоколебимую вѣру и пламенный героизмъ!“

И Лунинъ говоритъ далѣе о проповѣди христіанства, о христіанскихъ обществахъ на востокѣ, о христіанской конгрегаціи въ Римѣ, гдѣ „безпрерывный и безконечный стокъ иностранцевъ и провинціаловъ сливался въ пространное лоно римской столицы; римлянинъ и иностранецъ, бѣдный и богатый, преступникъ и невинный могъ надѣяться въ незамѣченной неизвѣстности безконечнаго города найти безопасное жилище или скрыться отъ преслѣдованія законовъ; при этомъ разнообразномъ стеченіи народовъ каждый проповѣдникъ истины или лжи, каждый основатель благонамѣреннаго или преступнаго общества могъ легко умножить число своихъ учениковъ или своихъ соучастниковъ“. Говоря затѣмъ о распространеніи христіанства въ западныхъ и сѣверныхъ провинціяхъ, Лунинъ отмѣчаетъ рѣзкую противоположность „между медленными успѣхами Евангелія въ холодномъ климатѣ Галліи“ и „пламеннымъ энтузіазмомъ, съ которымъ христіанское ученіе принято было на знойныхъ равнинахъ и пескахъ Африки“.

Въ слѣдующемъ § 5 рѣчь идетъ о *главныхъ эпохахъ гоненій на христіанъ*. „Мудрая десница Провидѣнія“, такъ начинается этотъ параграфъ, „наложила таинственный покровъ на младенчество христіанской церкви и ея послѣдователей, который прежде, нежели вѣра христіанъ возросла и возмужала и число послѣднихъ размножилось во всѣхъ частяхъ римскаго міра, защитилъ юное растеніе въ тѣни неизвѣстности противъ разрушительной злобы и поруганія приверженцевъ дряхлаго паганизма. Медленное и только постепенное отступленіе отъ Моисеевыхъ обрядовъ скрывало первыхъ прозелитовъ Евангелія подъ общимъ именемъ еврейскаго народа“ [1]). Указывается на ненависть еврейской синагоги къ христіанамъ и на отношеніе къ нимъ римскаго правительства; разсказывается о первомъ гоненіи (при Неронѣ), при чемъ цитируются слова Тацита. Говорится затѣмъ о второмъ гоненіи (при Домиціанѣ), о дальнѣйшемъ отношеніи какъ римскаго правительства, такъ и народа къ христіанамъ, о рядѣ апологій христіанъ, о религіозномъ синкретизмѣ, цитируются свидѣтельства источниковъ (напр. слова Евсевія), а переходя къ гоненію при Діоклетіанѣ, Лунинъ „для лучшаго уразумѣнія“ его считаетъ необхо-

[1]) Ср. *Гиббонъ*, Исторія упадка и разрушенія Римской Имперіи. М. 1883, II, 105.

димымъ сказать предварительно о политическомъ состояніи имперіи. Параграфъ о гоненіяхъ заканчивается Константиномъ и его эдиктомъ.

Далѣе, въ § 6, Лунинъ говоритъ о *внутреннемъ управленіи церкви и о расколахъ*.

По поводу синодовъ высказывается предположеніе, что образцами для нихъ послужили, можетъ быть, собранія амфиктіоновъ и союзъ 12 ахейскихъ городовъ въ древней Греціи [1]). Лунинъ старается выяснить общія и особыя причины появленія ересей и расколовъ. Обзоръ важнѣйшихъ изъ ересей и расколовъ онъ считаетъ необходимымъ „для вѣрнѣйшей оцѣнки дальнѣйшаго развитія человѣчества среднихъ вѣковъ“ и онъ переходитъ къ такому обзору, подробнѣе всего останавливаясь на гностицизмѣ, при чемъ приводитъ литературу вопроса и касается воззрѣній ученыхъ на его происхожденіе (мнѣнія Мосгейма, Неандера, Левальда, Гизелера, Мюллера); высказавъ „самое правдоподобнѣйшее мнѣніе относительно происхожденія гностицизма“, Лунинъ излагаетъ сущность этого послѣдняго.

Это—одинъ изъ примѣровъ того, какъ иногда просто и ясно умѣлъ онъ излагать, а потому я приведу его слова. „Основное содержаніе гностицизма“, говоритъ Лунинъ, „было слѣдующее. Въ неприступномъ лучезарномъ свѣтѣ обитаетъ вѣчное, совершенное, неизмѣнное существо, начало всего видимаго и невидимаго. Это верховное существо сотворило цѣлый рядъ могучихъ духовъ, эоновъ, подобныхъ ему самому и какъ отдѣльныхъ эманацій или лучей его свѣта. Но не всѣ эти эоны получили равныя силы и преимущества. Человѣческая душа, какъ часть Божества, есть также эманація верховнаго существа, но не проистекающая уже непосредственно отъ него, но созданная однимъ изъ подобныхъ эоновъ. Она есть уже не чистый лучъ Божества, но часть онаго, запятнанная уже злымъ началомъ, которое постоянно стремится покорить ее своему владычеству. Чувственный міръ образуетъ рѣзкую противоположность съ Божественнымъ. Онъ не созданъ самимъ Богомъ, но управляется первобытнымъ злымъ и богопротивнымъ началомъ; или этотъ чувственный міръ созданъ съ согласія добраго начала, для управленія падшими эонами свѣта. Чувственный міръ такимъ образомъ состоитъ подъ непосредственнымъ владычествомъ злого начала и цѣлое управляется въ послѣдней инстанціи верховнымъ существомъ и подвласт-

[1]) Ср. *Гиббонъ*, II, 57, и *Neander*, Allgem. Gesch. d. christlich. Religion und Kirche. Hamb. 1826, I, 212.

ными ему духами или эонами, такъ что высокое въ человѣкѣ освобождается наконецъ отъ владычества зла и соединяется снова съ царствомъ свѣта"... Главная цѣль гностиковъ „состояла въ томъ, чтобы найти отвѣтъ на вопросъ, *откуда происходитъ зло*"?

Лунинъ касается также отдѣльныхъ вѣтвей или сектъ гностицизма. Останавливается подробно онъ и на сектѣ манихеевъ, приводитъ греческія и восточныя извѣстія относительно ея начала и родоначальника, обстоятельно и ясно излагаетъ ученіе манихеевъ. Потомъ Лунинъ упоминаетъ о главнѣйшихъ расколахъ, возникшихъ въ нѣдрахъ самого христіанства; здѣсь рѣчь идетъ и объ Аріи; подробно излагаются постановленія Никейскаго собора. Въ заключеніе обзора ересей и расколовъ Лунинъ говоритъ о донатистахъ.

На этомъ обрывается первый отдѣлъ записокъ. Но кромѣ него имѣется, какъ упомянуто, еще другой отдѣлъ, содержащій нѣсколько параграфовъ (именно § 21, 48—52), посвященныхъ подробной, фактической исторіи англо-саксовъ отъ водворенія ихъ въ Британіи и до завоеванія Англіи Вильгельмомъ и занимающихъ 123 писанныхъ страницы. Есть еще отрывокъ—повидимому изъ другого курса Лунина,—переплетенный въ ту же тетрадь. Это—„Общій взглядъ на Европу подъ конецъ XV стол.". Тема—та же, что̀ и въ пробной лекціи Лунина, напечатанной въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, на которой мы уже останавливались при обзорѣ его печатныхъ трудовъ; но изложеніе нѣсколько иное.

Лунинъ, какъ мы видѣли, читалъ преимущественно курсы спеціальные. Такимъ представляется и только-что разсмотрѣнный нами курсъ, чрезвычайно обстоятельный, подробный, съ обширнымъ матеріаломъ, обнимавшій не столько внѣшнюю, сколько внутреннюю исторію, и притомъ хорошо продуманный и превосходно изложенный.

Но насколько онъ былъ самостоятеленъ и оригиналенъ?

Мы уже упоминали, что Лунинъ, говоря о единствѣ, какъ характерной чертѣ цивилизаціи древности, и разнообразіи, отличающемъ новыя времена, въ сущности воспроизводитъ начало второй лекціи Гизо въ его „Исторіи цивилизаціи въ Европѣ". Насколько близко здѣсь сходство, можно видѣть изъ слѣдующаго сопоставленія:

Лунинъ.

„Совсѣмъ другое зрѣлище представляетъ намъ цивилизація новыхъ временъ, цивилизація новой

Гизо.

„Совершенно иначе развивалась цивилизація новой Европы. Оставляя въ сторонѣ всѣ подробности,

Европы. Стоитъ только окинуть взоромъ цивилизацію новѣйшихъ народовъ, чтобы поразиться ея разнообразіемъ, ея смѣшеніемъ, какимъ-то хаотическимъ безпорядкомъ. Всѣ формы, всѣ начала общественной организаціи здѣсь живутъ въ одно и то же время; здѣсь власть духовная и свѣтская, элементы теократическіе, монархическіе, аристократическіе, народные, всѣ классы, всѣ общественныя положенія сталкиваются въ безчисленныхъ переливахъ; богатство, вліяніе, самостоятельность тѣснятся въ безконечныхъ переходахъ и постепенностяхъ. И эти разнородныя силы находятся между собою въ состояніи постоянной, вѣчной борьбы, и ни одна изъ нихъ не въ состояніи заглушить прочихъ и завладѣть исключительно обществомъ. Въ древнія времена во всякую замѣчательную эпоху всѣ человѣческія общества кажутся какъ-бы внезапно вылитыми изъ одной формы; здѣсь преобладаетъ то чистая монархія, то теократія, то демократія, но каждая изъ нихъ въ свою очередь преобладаетъ исключительно, самостоятельно. Новая Европа представляетъ примѣры всѣхъ системъ, такъ сказать, всѣхъ опытовъ общественной организаціи“ и т. д. вглядитесь въ нее, соберите ваши воспоминанія,—она тотчасъ же явится предъ вами разнообразною, нестройною, бурною; въ ней существуютъ одновременно всѣ формы, всѣ начала общественной организаціи: духовная и свѣтская власть, элементы теократическій, монархическій, аристократическій, демократическій, всѣ классы, всѣ состоянія общества смѣшаны между собою и тѣснятся другъ подлѣ друга, вездѣ представляются до безконечности разнообразныя степени свободы, богатства, вліянія. И всѣ эти силы находятся въ состояніи вѣчной борьбы, при чемъ ни одна изъ нихъ не одерживаетъ рѣшительнаго перевѣса надъ прочими, не овладѣваетъ безусло́вно обществомъ. Въ древнія времена каждая великая эпоха какъ-бы отливала всѣ общества по одной и той-же формѣ; преобладаніе принадлежало то чистой монархіи, то теократіи или демократіи,—но господство каждой изъ нихъ было всегда исключительно, полно. Новая Европа представляетъ образцы всѣхъ системъ, всѣхъ попытокъ общественной организаціи“ и т. д. („Исторія цивилиз. въ Европѣ“. Пер. К. Арсеньева. Изд. 2-е, С.-Пб., 1864, стр. 22 сл.).

Чтобы не увеличивать чрезмѣрно выписокъ, мы пропускаемъ слѣдующія затѣмъ строки, гдѣ тоже находимъ почти дословныя совпа-

денія, и приведемъ лишь конецъ этого сравненія цивилизацій древности и новаго времени у Лунина и у Гизо:

Лунинъ.

„Въ этомъ-то“ (разнообразіи) „и состоитъ истинное, безпредѣльное превосходство новой цивилизаціи предъ древнею; и если мы постараемся проникнуть за предѣлы внѣшнихъ фактовъ, во внутреннее свойство самыхъ вещей, то мы увидимъ, что это превосходство только законное, освященное разумомъ, равнымъ образомъ какъ внѣшними фактами. Стоитъ только окинуть взглядомъ вселенную, всмотрѣться въ общій ходъ природы, чтобы убѣдиться въ согласномъ созвучіи европейской цивилизаціи съ общими законами внѣшняго и внутренняго міра. И во вселенной, въ природѣ, царствуетъ то же разнообразіе, та же сложность элементовъ, вѣчно сталкивающихся, вѣчно враждующихъ, какъ мы то встрѣчаемъ въ европейской цивилизаціи. Въ природѣ, какъ и въ послѣдней, не преобладаетъ какое-нибудь исключительное начало, исключительная организація, какая-нибудь отдѣльная идея, отдѣльная сила: здѣсь также смѣшиваются, борются, переливаются разнородныя начала, различныя системы. Разнообразіе формъ, идей, началъ, ихъ взаимная борьба и стремленіе къ какому-то идеалу, котораго они, можетъ быть, ни-

Гизо.

„Въ этомъ“ (разнообразіи), „мм. гг., заключается истинное, неизмѣримое превосходство. Если мы пойдемъ еще далѣе и, оставивъ за собою внѣшніе факты, проникнемъ въ самую сущность вещей, то мы должны будемъ сознаться, что такое превосходство законно, что его признаетъ разумъ и провозглашаютъ факты. Забывъ на время европейскую цивилизацію, взглянемъ вообще на міръ, на общій ходъ явленій земной жизни. Въ чемъ состоитъ ихъ характеръ? Какъ живетъ человѣческій родъ? Онъ живетъ именно посреди этого разнообразія элементовъ, посреди этой постоянной борьбы, которую мы замѣчаемъ въ европейской цивилизаціи. Никакому началу, никакой идеѣ, никакой частной силѣ очевидно не дано овладѣть міромъ, образовать его разъ навсегда по извѣстной формѣ, изгнать изъ него всѣ другія стремленія и исключительно господствовать въ немъ. Различныя силы, начала, системы смѣшиваются, ограничиваютъ другъ друга, находятся въ непрерывной борьбѣ, то возвышаясь, то упадая, но никогда не оставаясь вполнѣ побѣдителями или побѣжденными. Въ этомъ именно различіи формъ, идей, началъ, въ ихъ соперниче-

когда не достигнутъ и къ коему безпрерывно направлены всѣ силы и мечты человѣка, — есть общая безконечная картина міра. Европейская цивилизація есть только вѣрная копія всемірной картины: подобно какъ вселенная, она безпредѣльна, не исключительна, не застойна. Въ новой Европѣ въ первый разъ характеръ особенности, характеръ индивидуальности, скрылся съ поприща цивилизаціи; здѣсь она въ первый разъ развилась въ томъ же разнообразіи, въ томъ безконечномъ богатствѣ, съ тою плодовитостью, какъ и самое зданіе вселенной. Европейская цивилизація вступила, такъ сказать, въ святилище Верховной Воли, вѣчной истины, въ планъ Провидѣнія; она шествуетъ путемъ Бога, путемъ Христовой религіи. Это высшее начало превосходства.

„Что касается до доказательствъ истины этого явленія, я постараюсь представить Вамъ, мм. гг., главнѣйшія въ продолженіи моихъ лекцій: многое вы увидите изъ развитія самыхъ фактовъ, многое я принужденъ пройти молчаніемъ. Но уже убѣдительнымъ подтвержденіемъ вышеизложеннаго послужитъ для насъ то, что причины и элементы отличительнаго характера европейской цивилизаціи мы встрѣчаемъ уже при самой ея колыбели, при ея первомъ младенчествѣ, что при самомъ ея ростѣ, ихъ стремленіи къ извѣстному единству, къ идеалу, который никогда, можетъ быть, не будетъ достигнутъ, но къ которому путемъ труда и свободы вѣчно будетъ идти человѣческій родъ, — въ этомъ именно и состоитъ вообще міровая жизнь. Слѣдовательно, европейская цивилизація есть вѣрное изображеніе міра: въ ней, какъ и въ немъ, нѣтъ ни узкости, ни исключительности, ни застоя. Впервые, кажется, цивилизація явилась чуждою всякой исключительности, впервые развилась она столь же богато, разнообразно и дѣятельно, какъ и сама вселенная.

„Европейская цивилизація приближается—если можно такъ выразиться—къ вѣчной истинѣ, къ предначертаніямъ Провидѣнія; она идетъ по путямъ Божіимъ. Въ этомъ заключается разумное начало ея превосходства.

„Я желалъ бы, мм. гг., чтобы въ продолженіе нашихъ занятій вы постоянно имѣли въ виду этотъ основной, отличительный характеръ европейской цивилизаціи. Теперь я только указываю его; доказательства будутъ представлены при дальнѣйшемъ развитіи фактовъ. Согласитесь однако, что положенія мои значительно подтвердятся, если мы въ самой колыбели нашей цивилизація найдемъ причину и зародышъ тѣхъ свойствъ, которыя я приписалъ ей, если мы

жденіи, въ роковой часъ распаденія западной Римской имперіи, мы находимъ въ положеніи тогдашняго міра, въ происшествіяхъ, кои содѣйствовали при самомъ началѣ развитію европейской цивилизаціи, начало того бурнаго, но обильнаго разнообразія, которое ее отмѣчаетъ".

въ самый моментъ ея рожденія, въ моментъ паденія западной Римской имперіи, откроемъ въ положеніи міра, во всѣхъ явленіяхъ, содѣйствовавшихъ образованію европейской цивилизаціи,—начало того бурнаго, но плодотворнаго разнообразія, которымъ она отличается" (ibid., стр. 24—25).

Въ другихъ случаяхъ — сходство нѣсколько болѣе отдаленное, напримѣръ, тамъ, гдѣ говорится о Римѣ, какъ муниципіи, о муниципальномъ характерѣ римскихъ памятниковъ и развитіи централизаціи [1]).

Далѣе, нѣкоторыя мѣста курса Лунина напомнили намъ Гиббона; мы сличили и дѣйствительно оказалось близкое, почти дословное сходство.

Напримѣръ, начало параграфа, описывающаго состояніе Римской имперіи, у Лунина соотвѣтствуетъ начальнымъ строкамъ знаменитой „Исторіи упадка и разрушенія Римской имперіи":

Лунинъ.

„Во второмъ столѣтіи христіанскаго лѣтосчисленія Римской имперіи покорствовали прекраснѣйшія страны земли и самая цивилизированная часть тогдашняго человѣчества. Границы этого колосса были охраняемы римскою дисциплиною и славою римскаго имени. Могучее вліяніе законовъ и обычаевъ успѣло постепенно связать разнородныя провинціи и враждебные народы въ одно, хотя непрочное, разностихійное, цѣлое. Мирные жители начинали уже вкушать плоды благосостоянія и

Гиббонъ [2]).

„Во второмъ столѣтіи христіанской эры владычество Рима обнимало лучшую часть земнаго шара и самую цивилизованную часть человѣческаго рода. Границы этой обширной монархіи охранялись старинною славой и дисциплинованной храбростью. Мягкое, но вмѣстѣ съ тѣмъ могущественное вліяніе законовъ и обычаевъ мало-по-малу скрѣпило связь между провинціями. Ихъ миролюбивое населеніе наслаждалось и злоупотребляло удобствами богатства и роскоши. Внѣшнія формы свобод-

[1]) См. *Гизо*, Ист. цив. въ Евр., стр. 25—27.

[2]) Для удобства цитирую по русск. пер. В. В. Невѣдомскаго (М. 1883), I, 1, хотя переводъ этотъ далеко не изященъ.

роскоши. Внѣшнія формы республиканской конституціи были удержаны съ какимъ-то благоговѣйнымъ приличіемъ; казалось, что римскій сенатъ распоряжался верховною властію, и императоры имѣли въ своихъ рукахъ исполнительную власть, только какъ уполномоченные сената. Въ продолженіе счастливаго періода, почти цѣлаго столѣтія, имперія была украшаема добродѣтелями и искусствомъ Нервы, Траяна, Адріана, Антониновъ".

ныхъ учрежденій охранялись съ приличной почтительностью: римскій сенатъ, повидимому, сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ верховную власть, а на императоровъ возлагалъ всю исполнительную часть управленія. Въ теченіе счастливаго періода, продолжавшагося болѣе восьмидесяти лѣтъ, дѣлами государственнаго управленія руководили добродѣтели и дарованія Нервы, Траяна, Адріана и двухъ Антониновъ".

Страницы, касающіяся Британіи, въ этомъ отдѣлѣ курса заимствованы Лунинымъ большею частью у Гиббона. Ср. напримѣръ:

Лунинъ.

„Единственное пріобрѣтеніе Римской имперіи въ продолженіе перваго столѣтія по Р. Хр. была провинція *Британія*. Близкое сосѣдство Британскаго острова къ берегамъ Галліи манило оружіе императоровъ и подстрекало ихъ честолюбіе; распространившаяся, хотя и сомнительная, молва о богатыхъ ловляхъ жемчужной раковины при берегахъ Албіона привлекала ихъ корысть... Ни дикая храбрость Каракатака (Caractacus), ни отчаяніе *Боадицеи* (Boadicea), ни религіозный фанатизмъ друидовъ не могли отвратить рабства отъ страны или воспротивиться быстрымъ успѣхамъ императорскихъ полководцевъ, кои еще поддерживали славу римскаго имени, между тѣмъ какъ престолъ посрамлялъ человѣчество"...

Гиббонъ.

„Британія была единственная провинція, которую римляне присоединили къ своимъ владѣніямъ въ теченіе перваго столѣтія христіанской эры... Близость этого острова отъ береговъ Галліи внушала имъ желаніе овладѣть имъ, а пріятные, хотя и сомнительные, слухи о возможности добывать тамъ жемчугъ, возбуждали въ нихъ алчность..... Ни мужество Каракатака, ни отчаяніе Боадицеи, ни фанатизмъ друидовъ не могли спасти ихъ родину отъ рабской зависимости или остановить постоянное движеніе впередъ римскихъ генераловъ, поддерживавшихъ достоинство своей націи, въ то время какъ достоинство престола было унижаемо самыми бездушными или самыми порочными выродками человѣческой расы"...

Каледонскія племена „своею независимостью не менѣе были обязаны своей бѣдности, какъ и своей дикой храбрости и неприступности страны. Ихъ вторженія были часто отражаемы и наказываемы римскими орлами, но ихъ гористая страна не была никогда покорена римскому владычеству. И естественно, что повелители самыхъ благословенныхъ странъ тогдашняго міра не чувствовали большой приманки къ завоеваніямъ мрачныхъ горъ, обуреваемыхъ зимними непогодами, уединенныхъ озеръ, надъ коими носились вѣчно туманы, и хладныхъ пустыныхъ болотъ, гдѣ только полуобнаженный дикарь гонялся за ловчею добычею“.

„Каледонцы, жившіе въ сѣверной окраинѣ острова, сохранили свою дикую независимость, которою они были обязаны столькоже своей бѣдности, сколько своей храбрости. Они часто дѣлали нашествія, которыя были съ успѣхомъ отражаемы и за которыя ихъ наказывали, но ихъ страна не была покорена. Повелители самыхъ прекрасныхъ и самыхъ плодоносныхъ странъ земного шара съ презрѣніемъ отворачивали свои взоры отъ мрачныхъ горъ съ ихъ зимними бурями, отъ озеръ, покрытыхъ густыми туманами, и отъ холодныхъ пустынныхъ равнинъ, на которыхъ полунагіе варвары гонялись за дикими оленями“ (стр. 4—6).

То же можно сказать и относительно страницъ, на которыхъ говорится о покореніи Дакіи при Траянѣ (ср. *Гиббонъ*, стр. 6—7). Самая характеристика Адріана и Антонина Пія, о которой вкратцѣ упомянуто выше, заимствована у Гиббона:

Лунинъ.

„Воинственный и честолюбивый характеръ Траяна находился въ странной противоположности съ умѣреннымъ духомъ его преемника. Съ другой стороны, хлопотливая дѣятельность Адріана образовала не менѣе замѣчательный контрастъ въ сравненіи съ непоколебимымъ, такъ сказать свѣтлымъ душевнымъ спокойствіемъ Антонина Пія“ и т. д.

Гиббонъ.

„Воинственность и честолюбіе Траяна представляли очень рѣзкій контрастъ съ умѣренностью его преемника. Неутомимая дѣятельность Адріана была не менѣе замѣчательная и по сравненію съ кроткимъ спокойствіемъ Антонина Пія“ и т. д. (I, стр. 9).

Начало § 5, гдѣ говорится о томъ, какъ младенчество церкви за-

щищено было покровомъ неизвѣстности, соотвѣтствуетъ словамъ Гиббона, II, 105.—Говоря о гоненіи на христіанъ при Неронѣ, Лунинъ приводитъ слова Тацита и по поводу ихъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: Тацитъ, подобно Плинію Младшему, ошибался, потому что оба не понимали христіанскаго ученія. „Но для того, кто преслѣдуетъ внимательно перевороты человѣческаго рода, можетъ быть неизлишне замѣтить, что сады и циркъ Нерона на холмѣ Ватиканскомъ, которые были упитаны кровію первыхъ христіанъ, содѣлались болѣе извѣстными побѣдою и торжествомъ гонимой религіи. На томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ страдали первые мученики, былъ въ послѣдствіи христіанскими первосвященниками воздвигнутъ храмъ, который далеко превзошелъ древнюю славу и древнее великолѣпіе Капитолія, и на обломкахъ престола Кесарей возникъ престолъ наслѣдниковъ св. Петра, распространившихъ постепенно свое духовное владычество во всѣхъ частяхъ земнаго шара“. Въ сущности это есть повтореніе замѣчанія Гиббона по поводу того же свидѣтельства Тацита (русск. пер., II, 110—111).

Поэтому есть основаніе думать, что и въ другихъ случаяхъ Лунинъ очень близко придерживался текста тѣхъ сочиненій, которыя ему въ томъ или другомъ случаѣ служили источникомъ.

Но, не говоря уже о томъ, что мы не знаемъ, насколько точно и полно наши записки передаютъ слова профессора (нѣкоторыя, напримѣръ, его ссылки и указанія могли быть въ нихъ пропущены), необходимо имѣть въ виду, во-первыхъ, то, что лекціи—не изслѣдованіе, не монографія; тутъ важно, какъ комбинируются самыя заимствованія; во-вторыхъ, курсъ Лунина долженъ быть разсматриваемъ съ точки зрѣнія 30-хъ годовъ: въ тѣ времена профессора прямо читали по тому или другому руководству или сочиненію; Лунинъ же для своего курса пользовался не однимъ какимъ-либо сочиненіемъ, а многими, не только, напримѣръ, Гизо или Гиббономъ, но и Савиньи, Ротомъ, Неандеромъ и другими и даже источниками.

Въ общемъ мы приходимъ къ заключенію, что курсъ Лунина—по крайней мѣрѣ, тотъ, который имѣлся въ нашихъ рукахъ,—не составилъ бы, разумѣется, эпохи въ *исторіи науки*, какъ думали современники; онъ не былъ вполнѣ самостоятеленъ, не пролагалъ новыхъ путей, но онъ стоялъ на высотѣ тогдашней науки и по своему содержанію и изложенію являлся для своего времени во всякомъ случаѣ курсомъ рѣдкимъ, выдающимся.

IV.

Обращаясь къ характеристикѣ Лунина, какъ историка, мы должны отмѣтить, что это былъ истый питомецъ нѣмецкой школы [1]), вооруженный всею современною ему ученостью, полученною имъ въ германскихъ университетахъ [2]), гдѣ онъ два года слушалъ лекціи,—„человѣкъ науки, терпѣнія и труда“, по выраженію Де-Пуле, „нерусскаго, тѣмъ менѣе украинскаго“ [3]).

Прежде всего бросается въ глаза громадная *эрудиція* Лунина. Она обнаруживается въ сохранившихся наброскахъ или записяхъ его лекцій и въ печатныхъ трудахъ; но особенно, говорятъ, проявлялась она на диспутахъ [4]). Въ основѣ статей и курсовъ Лунина лежали не одни пособія, не одна новая литература, но и *источники*, что̀ для того времени у насъ въ Россіи, въ частности въ Харьковѣ, было еще рѣдкостью, исключеніемъ. Говорили, что для лекцій по исторіи Греціи Лунинъ внимательно перечиталъ всего Пиндара и другихъ поэтовъ, дѣлая на поляхъ свои замѣчанія [5]). Онъ имѣлъ прекрасную филологическую подготовку, полученную имъ еще въ Дерптѣ: онъ хорошо зналъ греческій языкъ, не говоря уже о латинскомъ и о новыхъ языкахъ. Его считали даже полиглоттомъ: какъ говорятъ, ему знакомы были всѣ литературы, древнія, ново-европейскія, азіатскія, кромѣ, кажется, славянскихъ [6]).

Лунинъ знакомъ былъ, хотя, конечно, и не въ одинаковой мѣрѣ, со всѣми отдѣлами всеобщей исторіи: его знанія охватывали востокъ и античный міръ, средніе и новые вѣка, и это давало ему возможность дѣлать—иногда смѣлыя—сближенія и сопоставленія. Въ статьѣ объ Индіи онъ сравниваетъ борьбу духовной власти со свѣтскою на востокѣ, у индусовъ, и на средневѣковомъ западѣ [7]). Законы Ману напоминаютъ ему „подложныя декреталы ложнаго Исидора или Псевдо-Исидора“ [8]). Развивая положеніе, что за теократической системой

---

[1]) *М. И. Сухомлиновъ*, стр. 45.
[2]) *Н. И. Костомаровъ*, стр. 22.
[3]) Вѣстн. Евр., 1874, янв., стр. 113.
[4]) *Де-Пуле*, стр. 88.
[5]) *М. И. Сухомлиновъ*, стр. 45—46.
[6]) *Де-Пуле*. стр. 88.
[7]) См. выше, стр. 17—18.
[8]) *Жур. Мин. Нар. Просв.*. 1837. іюль, стр. 38.

повсюду слѣдуютъ колоссальныя произведенія архитектуры и скульптуры, съ религіознымъ характеромъ, и что во всѣхъ странахъ, гдѣ мы находимъ остатки подобныхъ памятниковъ, исторія встрѣчаетъ слѣды іерархическаго владычества, Лунинъ приводитъ разнообразные примѣры, не исключая и Іерусалимскаго храма [1]). Въ статьѣ объ исторіографіи древняго востока онъ сравниваетъ Китай въ одинъ изъ періодовъ его исторіи (съ VIII столѣтія до Р. Хр.) съ феодальною Европою, восточную исторіографію сопоставляетъ—для контраста—съ западною и т. д.

Эта эрудиція, тотъ обширный матеріалъ, который Лунинъ вводилъ особенно въ свои курсы, конечно, подавлялъ бы слушателей и читателей, если бы этотъ матеріалъ былъ нагроможденъ въ сыромъ видѣ, если бы онъ не былъ надлежащимъ образомъ изложенъ, сгруппированъ, осмысленъ и освѣщенъ нѣкоторыми руководящими идеями. Де-Пуле причисляетъ Лунина къ школѣ историковъ-живописцевъ, представителемъ которой во Франціи былъ Барантъ [2]). Правда, Лунинъ любилъ „живописать“, картинно изображать ту или другую эпоху, явленіе, памятникъ; но онъ никогда не ограничивался „живописаніемъ“. Еще больше онъ стремился къ осмысленію и обобщенію фактовъ, и онъ несомнѣнно обладалъ обобщающею мыслью, что̀ проявляется и въ его печатныхъ статьяхъ.

Хотя и питомецъ нѣмецкой школы, но, какъ мы видѣли, Лунинъ въ значительной мѣрѣ усвоилъ взгляды французскаго историка Гизо. Но еще сильнѣе на немъ сказалось вліяніе Гегеля. По своимъ историко-философскимъ воззрѣніямъ Лунинъ былъ въ сущности гегеліанцемъ; недаромъ онъ слушалъ лекціи въ Берлинѣ, гдѣ тогда царила Гегелевская философія. Касаясь, напримѣръ [3]), утраты итальянскими республиками независимости и превращенія ихъ въ отдѣльныя „единодержавныя государства“, Лунинъ ссылается на „высшіе законы *діалектики исторіи*“, коимъ эти республики покорились. Въ „Нѣсколькихъ словахъ о римской исторіи“ общій ходъ историческаго развитія въ древности объясняется въ сущности съ точки зрѣнія Гегелевской философіи исторіи. А въ статьѣ: „Взглядъ на историографію

---

[1]) См. выше, стр. 18.

[2]) Стр. 88. Впрочемъ, самъ Де-Пуле признаетъ, что Лунинъ умѣлъ избѣжать крайности упомянутой школы и „являлся столь же искуснымъ прагматикомъ, какъ и живописцемъ“ (стр. 88—89).

[3]) Въ своей лекціи „Переходъ средней исторіи къ новой“... (*Жур. Мин. Нар. Просв.*, 1835, іюль). См. выше, стр. 12—13.

древнѣйшихъ народовъ Востока", Лунинъ много разъ прямо цитируетъ или ссылается на Гегеля [1]) и не только на его „Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte", но и на „Vorlesungen über die Aesthetik". Приведенная уже раньше [2]) цитата изъ этой статьи, гдѣ Лунинъ перечисляетъ „главнѣйшія причины, преломлявшія искони на Востокѣ объективный міръ историческихъ данныхъ въ субъективности дѣписателя", носитъ явные слѣды вліянія Гегелевской философіи.

Лунинъ стремился проникнуть въ основной смыслъ исторической эпохи или явленія, въ основную ихъ идею. Употребляя его собственное выраженіе—по поводу перехода средней исторіи къ новой,—онъ, не ограничиваясь внѣшнею стороною, внѣшней оболочкой, скрывающей отъ насъ душу, старается проникнуть во внутреннюю сторону, напримѣръ, новой исторіи, старается заговорить съ нею, сродниться съ ея истинною идеею. Историкъ, по его словамъ, долженъ отыскивать идею каждой эпохи [3]); внѣшнія явленія и формы исторической жизни—это только инкарнація одной общей идеи, которая условливаетъ эту жизнь и есть ея творческій первообразъ.

Особенно, какъ мы видѣли, проявляется обобщающая мысль Лунина въ „Нѣсколькихъ словахъ о римской исторіи".

Лунинъ видѣлъ въ исторіи дѣйствіе вѣчныхъ, постоянныхъ законовъ. Напримѣръ, уподобляя всемірныя монархіи Востока исполинскимъ рѣкамъ Азіи, которыя „быстры, обширны, величественны" во время таянія снѣговъ и „застойны, мелки, однообразны, когда прекращается источникъ ихъ роста и жизни", онъ говоритъ: „Эти причины роста и паденія вѣчны и неизмѣнны, подобно какъ вѣчны и неизмѣнны причины рожденія, расширенія и упадка восточныхъ государствъ" [4]). Или: „Римъ покорился законамъ необходимости" [5]). Въ статьѣ объ Индіи, говоря о томъ, какъ съ распространеніемъ общества изъ массы народа выдѣляется особый классъ жрецовъ, Лунинъ замѣчаетъ: „Вездѣ одни и тѣ же постоянные законы". Вообще въ этой статьѣ онъ, какъ мы видѣли, въ началѣ почти каждой главы или параграфа формулируетъ общій законъ или правила, наблюдаемые въ исторіи человѣчества.

Но Лунинъ былъ противъ „отвлеченностей", обезличивающихъ эпохи, народы, явленія. Съ этой точки зрѣнія онъ осуждалъ „фило-

---

[1]) „Москвитянинъ", 1842, ч. IV, стр. 290, 291, 294, 296, 305, 311, 313.

[2]) При обзорѣ печатныхъ трудовъ Лунина, см. выше, стр. 19.

[3]) Рѣчь: „О вліяніи Вальтера Скотта...", стр. 15.

[4]) „Нѣск. словъ...", стр. 412.

[5]) Ibid., стр. 411.

софическую школу", у коей историческій элементъ составлялъ „только раму для длинныхъ разсужденій о религіи, нравахъ, законахъ, которыхъ никто не понималъ или не хотѣлъ понимать: все обсуживалось съ гордой высоты философіи XVIII ст., все попалялось огнемъ скептицизма: казалось, что писатель смотрѣлъ на исторію, какъ на удобное средство къ изложенію своихъ собственныхъ мыслей, своихъ политическихъ и религіозныхъ правилъ, къ исповѣданію своего холоднаго матеріализма" [1]). Лунинъ стоялъ за приданіе каждому вѣку и народу отличительной и индивидуальной физіономіи, за сохраненіе мѣстнаго и временнаго характера, колорита. „Историкъ", говоритъ онъ въ своей рѣчи о вліяніи Вальтера Скотта на изысканія по части среднихъ вѣковъ, „подобно Іезекіилу [2]) въ его таинственномъ пророческомъ видѣніи, поставленъ на всемірномъ кладбищѣ минувшихъ поколѣній: предъ нимъ разбросаны полуистлѣвшія кости народовъ, скошенныхъ рукою вѣковъ", и по велѣнію историка кости подымутся изъ гробовъ, образуется скелетъ и плоть. Но этого мало: историкъ долженъ вдохнуть душу. И вотъ, „предъ нимъ толпятся уже народы, цѣлыя царства возстали изъ могильнаго праха. Но здѣсь еще все въ смѣшеніи". Тогда историкъ долженъ „приступить къ великому анализу"; онъ „отдѣлитъ племя отъ племени, поколѣніе отъ поколѣнія, народъ отъ народа, вѣкъ отъ вѣка", и „народы облекутся въ свою отличительную одежду, въ свои отличительныя формы, заговорятъ своимъ языкомъ; вѣка примутъ свою индивидуальную физіономію; и духъ временъ, идеи и понятія каждаго поколѣнія засквозятъ подъ прозрачною оболочкою; и тогда-то совершится великое воскресеніе!" [3]).

На „важный", по выраженію самого Лунина, вопросъ: „что входитъ въ объемъ истинной и полной исторіи?" онъ отвѣчаетъ: „По нашему мнѣнію, исторія проникаетъ все, и мраморъ, и холстъ, и пергаментъ, и шелкъ, и домашнюю утварь: ея отголосокъ слышенъ и въ тысячелѣтнихъ сводахъ рыцарскаго замка, и въ развалинахъ древняго аббатства, и въ гордыхъ стѣнахъ великолѣпнаго ратсгауза; она говоритъ намъ въ обломкахъ древней колонны, и въ торсѣ Бельведерскаго Геркулеса, и въ застольномъ кубкѣ феодальнаго владѣльца; она отражается и въ картинахъ Джіотто и Альбрехта Дюрера,

---

[1]) „О вліяніи Вальтера Скотта"..., стр. 13—14.

[2]) Эпиграфомъ къ этой рѣчи Лунинъ избралъ именно слова Іезекіила, 37,1: „И постави мя среди поля, се же бяше полно костей человѣческихъ".

[3]) Стр. 11—12.

и въ убогой одеждѣ смиреннаго пилигрима, и въ тяжелыхъ латахъ крестоваго воина: она, такъ сказать, питается этою живительною атмосферою,—и въ ней-то историкъ долженъ отыскивать идею каждой эпохи, преслѣдовать ее и освобождать ее отъ разнородныхъ частей; однимъ словомъ: внѣшнія формы жизни каждаго человѣчества, каждаго вѣка, суть только инкарнація одной общей идеи, которая условливаетъ эту жизнь, и безъ знакомства съ этими внѣшними явленіями мы никогда не будемъ въ состояніи постигнуть ихъ творческаго первообраза“ [1]).

Лунинъ признавалъ „многосложность“ исторіи: по его мнѣнію, исторія должна заниматься не одними государствами, но и народами; она должна быть не только политическая. Поэтому Лунинъ, напримѣръ, ставилъ Геродота выше Ѳукидида. „Геродотъ“, говоритъ онъ, „болѣе нежели кто-либо изъ древнихъ постигалъ всю обширность, всю многосложность исторіи“; Ѳукидидъ же, Тацитъ, Титъ Ливій были исключительно политическими историками, „хотя и единственными въ этомъ родѣ“ [2]). Лунинъ отмѣчаетъ въ числѣ недостатковъ Юма „одностороннюю наклонность къ изображенію королей и пренебреженіе народнаго начала“ [3]). Это-то отношеніе къ народному началу сблизило его съ Н. И. Костомаровымъ. Когда Н. И. Костомаровъ представилъ въ факультетъ свою диссертацію: „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“ и нѣкоторые профессора отнеслись къ темѣ неодобрительно, находя, что такой предметъ, какъ мужицкія пѣсни, унизителенъ для сочиненія, имѣющаго цѣлью пріобрѣтеніе ученой степени; то Лунинъ поддерживалъ Костомарова: ему особенно понравилась диссертація, и онъ вполнѣ сочувствовалъ мысли о введеніи народнаго элемента въ науку исторіи [4]). „Какъ человѣкъ съ европейскимъ образованіемъ“, замѣчаетъ по этому поводу Костомаровъ, „онъ способенъ былъ смотрѣть шире другихъ ученыхъ мужей стараго закала“. Во время диспута, когда одинъ изъ оппонентовъ (проф. Якимовъ), вырвавши изъ диссертаціи два пѣсенныхъ стиха, потребовалъ отъ Костомарова доказать, что здѣсь есть какая-нибудь поэзія, Лунинъ, прежде чѣмъ самъ Костомаровъ собрался отвѣчать, засмѣялся и сказалъ: „Это все равно, если бы разсѣчь человѣка по частямъ и потребовать,

---

[1]) Стр. 14—15.
[2]) Ibid., стр. 12.
[3]) Въ той же рѣчи о Вальтерѣ-Скоттѣ.
[4]) *Н. И. Костомаровъ*, Литерат. наслѣд., стр. 45.

чтобы показали, гдѣ у него душа; ни въ ногѣ, ни въ рукѣ, ни въ ухѣ, ни въ носу нѣтъ души, а весь человѣкъ живой—съ душою".

Лунинъ придавалъ большое значеніе физіологическому фактору—напримѣръ, физіологическому вліянію народнаго родства на общественное и нравственное развитіе народонаселенія [1]). Онъ ставилъ исторію въ связь съ географіей, придавая вліянію окружающей природы огромное значеніе. Въ этомъ сказывался, быть можетъ, ученикъ К. Риттера. Особенно часто отмѣчаетъ Лунинъ соотвѣтствіе между исторіей древняго востока и его природою: здѣсь, на востокѣ, „развитіе человѣка и общества", говоритъ онъ, „гармонируетъ съ цѣлою природою" [2]).

Лунинъ — не поклонникъ силы; побѣды не ослѣпляютъ его; онъ высоко цѣнитъ не разрушительную, а творческую дѣятельность. Ее, напримѣръ, онъ ставитъ въ заслугу и Риму; созидательною работою послѣдняго онъ объясняетъ долговѣчность его вліяній: „Зданіе римскаго могущества было воздвигнуто на твердомъ, вѣчномъ основаніи, ибо Римъ не только разрушалъ, но и творилъ" [3]). Съ грустью говоритъ Лунинъ о страданіяхъ человѣчества; съ гуманностью и состраданіемъ относится онъ къ слабымъ, побѣжденнымъ. Въ исторіи онъ видитъ какъ-бы Немезиду. Такъ, не смотря на всю созидательную работу Рима, въ его исторіи, по словамъ Лунина, „демонъ возмездія" стоитъ „на первомъ планѣ и платитъ съ лихвою за неправду римскаго завоеванія, за кровь народовъ, согнутыхъ предъ римскимъ величіемъ;—за тріумфы римскихъ полководцевъ; за блескъ и великолѣпіе столицы; за нищету и истощеніе провинцій! Пороки и злодѣянія обрушились тяжело на самихъ виновниковъ; съ чернымъ предчувствіемъ, съ нахмуреннымъ челомъ преступницы Римская исторія приближается къ своей развязкѣ!" [4]).

Содержанію соотвѣтствовала и внѣшняя форма изложенія у Лунина. Конечно, это не тургеневскій языкъ, съ которымъ въ отношеніи изящества готовъ былъ сравнивать языкъ Лунина Де-Пуле; онъ не такъ легокъ и изященъ, какъ языкъ Грановскаго: онъ нѣсколько архаиченъ, тяжеловатъ и витіеватъ, не чуждъ господство-

---

[1]) Ibid., стр. 17.
[2]) „Нѣск. словъ о Римск. исторіи", стр. 411.
[3]) Ibid., стр. 421.
[4]) Ibid., стр. 411.

вавшей тогда риторики и высокопарности; но все-же это — языкъ сильный, образный, выразительный; изложеніе—яркое и картинное.

V.

Какъ человѣкъ, по своимъ нравственнымъ качествамъ, Лунинъ стоялъ чрезвычайно высоко. По выраженію А. И. Палюмбецкаго [1]), это былъ „чистый рыцарь“, не стѣснявшійся заявлять свои убѣжденія. Всѣ знавшіе Лунина единогласно свидѣтельствуютъ, что это былъ человѣкъ рѣдкой прямоты и безкорыстія, „пламенный поборникъ добра и непримиримый врагъ зла во всѣхъ его видахъ“ [2]), идеалистъ, какъ-бы не отъ міра сего, всецѣло преданный наукѣ: въ ученой работѣ, въ неутомимомъ трудѣ онъ находилъ отраду и вдохновеніе, которыхъ не давала ему жизнь [3]). „Чистотою и высотою своихъ нравственныхъ достоинствъ Лунинъ“, замѣчаетъ Де-Пуле, „напоминалъ собою знаменитаго московскаго профессора“, Грановскаго, „позже его вступившаго на профессорское поприще и слабѣе его подготовленнаго“ [4]).

Въ то время Харьковскій университетъ страдалъ язвою пансіонерства: большинство профессоровъ держали студентовъ-пансіонеровъ, что̀ вело къ понятнымъ злоупотребленіямъ. „Лунинъ не носилъ въ себѣ болѣзней и язвъ современной ему харьковской университетской корпораціи“. „Труженикъ и бѣднякъ“, онъ „былъ живымъ протестомъ противъ окружающей его дѣйствительности, разумности которой онъ не признавалъ и своего презрѣнія къ ней не скрывалъ ни отъ кого, тѣмъ менѣе отъ студентовъ“ [5]). Лунинъ всегда, даже будучи уже семейнымъ человѣкомъ, занималъ самую скромную и даже бѣдную квартиру, гдѣ-нибудь въ глухой улицѣ, во дворѣ, въ небольшомъ флигелькѣ или мезонинѣ, въ три-четыре комнаты [6]); за то имѣлъ свою хорошую библіотеку, которую онъ собралъ еще во время пребыванія заграницей, и потомъ аккуратно пополнялъ на счетъ скромнаго профессорскаго жалованья [7]). „Вѣчно путешествовавшій пѣшкомъ по гряз-

[1]) Сообщаемому Г. С. Чирковымъ. См. его бумаги.

[2]) *Де-Пуле*, стр. 92.

[3]) *Де-Пуле*, стр. 89—90.

[4]) Стр. 89.

[5]) *Де-Пуле*, стр. 89.

[6]) *Де-Пуле*, стр. 91.

[7]) *А. П. Рославскій-Петровскій*, некр. Лунина (Прибавл. къ Харьк. Губ. Вѣд., 1844, № 46).

нымъ харьковскимъ улицамъ во всякую погоду, онъ составлялъ рѣзкій контрастъ не только съ большинствомъ своихъ товарищей, но даже многихъ и студентовъ—изъ породы „несчастныхъ сиротъ“ (пансіонеровъ), — рыскавшихъ по городу на рысакахъ и всячески заискивавшихъ въ гордомъ и неподкупномъ профессорѣ, который отворачивался отъ нихъ съ рѣзкимъ презрѣніемъ“ [1]).

Съ самаго же начала своей профессорской дѣятельности въ Харьковѣ Лунинъ вступилъ въ ожесточенную и въ концѣ концовъ побѣдоносную борьбу противъ пансіонерства; онъ преслѣдовалъ его неумолимо и нажилъ себѣ много враговъ, тѣмъ болѣе, что „по природѣ ли или вслѣдствіе непосильной борьбы съ тогдашнею дѣйствительностію, разбившей его здоровье“, Лунинъ былъ человѣкъ очень желчный и рѣзкій [2]). Окруженный въ своемъ факультетѣ личностями большею частью бездарными и далеко не безупречной честности, онъ разъ въ засѣданіи, въ присутствіи П. П. Гулака-Артемовскаго (тогдашняго ректора и профессора русской исторіи), сказалъ, что считаетъ униженіемъ для себя быть въ такомъ обществѣ [3]). Говорятъ также, что когда Гулакъ-Артемовскій, вступивъ въ должность ректора, собралъ профессоровъ и обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой давалъ понять, что онъ уничтожитъ вкравшіяся злоупотребленія, то Лунинъ воскликнулъ: „да! злоупотребленія большія, но вы, господинъ ректоръ, первый ихъ виновникъ“ [4]). Вообще съ Гулакомъ-Артемовскимъ, потворствовавшимъ злоупотребленіямъ, онъ былъ въ ожесточенной враждѣ [5]). Въ своей автобіографіи Н. И. Костомаровъ передаетъ, что во время своего магистерскаго экзамена, когда онъ писалъ письменный отвѣтъ въ университетской залѣ въ присутствіи совѣта, онъ былъ свидѣтелемъ „чрезвычайно скандальной сцены“. „Въ засѣданіи совѣта“, разсказываетъ Н. И. Костомаровъ, „профессоръ Лунинъ сцѣпился съ Артемовскимъ-Гулакомъ и наговорилъ ему такихъ рѣзкихъ, обличительныхъ замѣчаній, что мнѣ показалось страннымъ, какъ Артемовскій-Гулакъ могъ отбиваться отъ него своею обычною, высокопарною риторикою“ [6]).

Но если для большинства своихъ товарищей Лунинъ служилъ

---

[1]) *Де-Пуле*, стр. 91.
[2]) *Де-Пуле*, стр. 91.
[3]) Со словъ А. И. Палюмбецкаго сообщаетъ Г. С. Чириковъ.
[4]) *Де-Пуле*, l. c.
[5]) *Де-Пуле*, стр. 91.
[6]) Литерат. наслѣдіе, стр. 34.

живымъ укоромъ и предметомъ худо скрываемой вражды, то для студентовъ онъ былъ идеаломъ профессора [1]). Онъ ихъ поражалъ и своимъ образомъ жизни, и своею пуританскою честностью, и своею обширною ученостью, и имѣлъ на нихъ громадное вліяніе [2]). Правда, онъ съ ними бывалъ подчасъ суровъ, раздражителенъ [3]), всегда требователенъ; многіе боялись его и онъ далеко не принадлежалъ къ такъ называемымъ „популярнымъ профессорамъ“. Зато каждый трудящійся студентъ „находилъ въ скромной квартирѣ Лунина дружескій пріемъ, а въ самомъ немъ—опытнаго и разумнаго помощника и совѣтника, предлагавшаго къ его услугамъ и свою библіотеку и всѣ свои обширныя ученыя средства“ [4]). Вообще, не смотря на требовательность и раздражительность Лунина, студенты относились къ нему съ уваженіемъ и даже съ какимъ-то благоговѣніемъ. Слушать Лунина, быть ученикомъ его для кончившаго курсъ стало предметомъ гордости [5]). Его курсами интересовался и даже гордился каждый студентъ, какъ вещью замѣчательною, капитальною [6]). Записки его собирались и бережно хранились долгое время, и еще нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя послѣ смерти Лунина на Украйнѣ и въ Новороссіи можно было встрѣтить ихъ не въ одномъ семействѣ, хотя и разрозненныя [7]). „Мы“, замѣчаетъ Де-Пуле, сообщающій всѣ эти подробности, „встрѣчали не разъ первыхъ учениковъ Лунина уже, какъ говорится, подъ вечеръ ихъ жизни. При имени этого профессора самое суровое лицо оживлялось, самыя молчаливыя уста высказывали благодарность, теплыя рѣчи,—такова была нравственная высота этого замѣчательнаго ученаго, этого *учителя*“ [8])... Съ своей стороны могу подтвердить это свидѣтельство Де-Пуле: въ молодости мнѣ самому приходилось еще встрѣчать стариковъ—слушателей Лунина, и я помню, съ какимъ благоговѣніемъ и восторгомъ говорили они объ этомъ профессорѣ...

Какимъ, казалось, одинокимъ и чуждымъ долженъ былъ чувство-

---

[1]) *Де-Пуле*, стр. 88, 89.

[2]) *Де-Пуле*, стр. 90.

[3]) У Лунина была между прочимъ странность: онъ терпѣть не могъ, чтобы студенты при встрѣчѣ съ нимъ кланялись. *Де-Пуле*, стр. 95.

[4]) *Де-Пуле*, стр. 92.

[5]) *Де-Пуле*, стр. 93.

[6]) *Де-Пуле*, стр. 113.

[7]) Ibid., стр. 93.

[8]) Стр. 92.

вать себя Лунинъ, съ его научными запросами и стремленіями, въ тогдашнемъ Харьковѣ! Правда, здѣсь процвѣтала, говоря сравнительно, мѣстная литература, издавались, какъ мы видѣли, журналы и альманахи; но Лунинъ далекъ былъ отъ мѣстныхъ интересовъ, отъ тогдашнихъ литературныхъ увлеченій и направленій, находившихъ себѣ выраженіе въ произведеніяхъ, напримѣръ, Квитки-Основьяненка и Гулака-Артемовскаго. Но въ дѣйствительности положеніе Лунина все-же не было такъ безотрадно, какъ это кажется на первый взглядъ; могущественною нравственною поддержкою должна была служить ему аудиторія, столь отзывчивая, такъ благоговѣйно настроенная по отношенію къ профессору, и тогдашнему студенчеству, безъ сомнѣнія, дѣлаетъ честь, что оно съумѣло оцѣнить Лунина и его курсы, столь спеціальные и обширные, далеко не всѣмъ доступные, которые, быть можетъ, въ другое время не были бы оцѣнены... Кромѣ того, въ самой профессорской средѣ, на словесномъ факультетѣ, въ ту пору стали появляться, какъ мы видѣли, новыя силы, молодые преподаватели, даровитые, прекрасно подготовленные, относившіеся съ увлеченіемъ къ своему дѣлу, напримѣръ Валицкій и И. И. Срезневскій.

Вниманіе и всѣ научные интересы Лунина сосредоточены были на исторіи древности и западной Европы. Славянскимъ міромъ и русскою исторіею онъ, повидимому, не интересовался; русскую исторію онъ даже, если вѣрить Де-Пуле [1]), не признавалъ наукой [2]). По самой своей внѣшности Лунинъ выглядѣлъ скорѣе англичаниномъ или нѣмцемъ [3]). Въ Харьковѣ тогда еще не было двухъ лагерей—западниковъ и ихъ противниковъ; но несомнѣнно, что симпатіи и научные интересы влекли Лунина къ западу.

Обыкновенно Лунина сравниваютъ съ Грановскимъ, его младшимъ современникомъ [4]). И дѣйствительно, между ними было много общаго: симпатіи къ западу; нѣкоторыя сходныя черты въ историческомъ міросозерцаніи [5]), идеализмъ и гуманность, проникающіе ихъ воззрѣнія; обаяніе и могущественное вліяніе ихъ личности на слушателей

---

[1]) Стр. 90.

[2]) Можетъ быть, впрочемъ, въ томъ видѣ, въ какомъ русскую исторію читалъ тогдашній профессоръ Гулакъ-Артемовскій.

[3]) *Де-Пуле*, стр. 89—90.

[4]) Т. Н. Грановскій (1813—1855) началъ чтеніе лекцій въ Московскомъ университетѣ въ 1839 г.

[5]) Напомнимъ, напримѣръ, что и Грановскій придавалъ большое значеніе физіологическимъ факторамъ.

и восторженное отношеніе къ нимъ со стороны послѣднихъ; наконецъ тотъ и другой напечатали немного и напечатанное ими еще не даетъ полнаго понятія о нихъ. Но Лунинъ ученѣе Грановскаго, болѣе спеціалистъ и кабинетный человѣкъ, нежели тотъ; это—натура сосредоточенная: Грановскій мягче, общительнѣе, отзывчивѣе на окружающую современность. Поприще Лунина было еще короче, нежели поприще Грановскаго; мѣсто и сфера дѣйствія—у́же. Наконецъ, какъ писатель, по легкости и изяществу языка Лунинъ уступаетъ Грановскому. Вообще, и по учености Лунина, и по характеру его курсовъ, преимущественно спеціальныхъ, и по самому свойству его дарованія, даже по языку, мы бы сравнили его скорѣе съ Кудрявцевымъ...

Но, можетъ быть, слушатели и современники Лунина слишкомъ идеализировали его? преувеличивали его значеніе?—Мы готовы допустить, что на тогдашнемъ фонѣ харьковской университетской жизни личность Лунина должна была казаться особенно свѣтлою; при довольно низкомъ общемъ уровнѣ она настолько выдавалась, что казалась выше, чѣмъ была въ дѣйствительности. Несомнѣнно, напримѣръ, что Лунинъ не былъ выдающимся самостоятельнымъ ученымъ-изслѣдователемъ; самыя условія его дѣятельности въ тогда еще небольшомъ русскомъ провинціальномъ городѣ, безъ богатыхъ книгохранилищъ и архивовъ, не давали возможности самостоятельно и плодотворно работать на этомъ поприщѣ въ такой области, какъ всеобщая исторія. Но все-же Лунинъ былъ личность замѣчательная, какъ человѣкъ и профессоръ.

Своими лекціями и статьями, самою своею жизнью, Лунинъ какъ-бы призывалъ „не убивать своего духа въ тѣсной области грязной корысти и матеріальнаго существованія“; онъ напоминалъ о „высокомъ и великомъ въ человѣческой природѣ“ [1]).

---

[1]) См. его „Нѣсколько словъ о Римской исторіи“, стр. 407.

LIBRARY OF CONGRESS
0 018 459 816 4